

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АЛЕКСЕЙ ЛЮТЫЙ

РАБИН ГУТ

НА КРЕСТИНЫ В ПАЛЕСТИНЫ

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Алексей Лютый
На крестины в Палестины
Серия «Рабин Гут», книга 5

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126873
Рабин Гут. На крестины в Палестины: Эксмо;

Аннотация

Старые знакомые – неразлучная ментовская троица омовца Вани, кинолога Сени и криминалиста Андрюша продолжают свои приключения! На этот раз судьба так развернула петлю времени, что друзья оказались в Палестине времен Крестовых походов. Кстати, им пригодятся артефакты, врученные лично Мерлином, а на месте придется проводить самые настоящие боевые и разведывательные операции.

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	34
Глава 3	65
Глава 4	98
Глава 5	127
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Алексей Лютый Рабин Гут. На крестины в Палестины

Часть I Чужую вошь назад положь!

Глава 1

Сон был такой приятный, что глаза открывать совершенно не хотелось. Ведь знаю, что стоит проснуться – и опять в какой-нибудь гадости окажусь, вроде древнеанглийского трактира с полчищем блох под соломой, скандинавского холодильника под названием «Митгард» или египетской пустыни с полным отсутствием санитарных условий. Лучшим вариантом было бы проснуться в родном отделе внутренних дел. Пусть даже Рекс с Альбатросом на моем имени свое остроумие немного пооттачивают, я их даже до смерти загрызть не буду.

Но рассчитывать на это не приходится. А судя по отсутствию запаха отработанного бензина, мы снова с сослужив-

цами оказались в какой-то дыре, где даже черно-белых телевизоров нет, о комплексных витаминных добавках никто не слышал, антиблошинных ошейников не изобрели, а общий уровень цивилизации находится где-то между изобретением колеса и поисками способов того, куда это колесо пристроить. Нет, я определенно не хочу просыпаться. Пусть уж и дальше птички щебетать продолжают, раз им делать больше нечего, теплый ветерок шерсть на загривке перебирает и травинка нос щекочет. Раз мы не дома, так тому и быть. Но я этот мир видеть не хочу и глаза открывать не собираюсь!

– Мурзик, ко мне! Хватит под шланг косить. – Это мой хозяин снова альфа-лидера из себя корчит. Угроздило его раньше других очнуться. Теперь точно спокойно полежать не даст. Сейчас за уши трепать начнет. Он, садист, всегда так поступает, когда я делаю вид, что спокойно сплю.

– Мурзик, вставай, кому сказал! – Ну вот, я же говорил, за уши треплет. – Вставай, говорю. Или на прививку к ветеринару сейчас пойдем.

Ой, напугал! Ты сначала найди тут ветеринара или, на худой конец, хотя бы шприц. Не уверен, что тут вообще какие-нибудь способы лечения, кроме отсечения головы, знают...

– Что, Сеня, все-таки решил пса врачу показать? – А это наш самый главный умник проснулся. Ваней Жомовым называется. – Давно пора, если уже не поздно. Давай я с тобой в первую ветеринарную схожу. Там у тестя сестра работает.

А кстати, где мы?..

– В Караганде. Да, Сенечка? – Так, и Попов готов. Язвит спросонья. Это у него всегда так, пока не позавтракает.

Ладно, придется и мне глаза открывать. Все равно в покое теперь не оставят. Да, чтобы вы тоже с вопросами не приставали, сразу скажу, кто мы такие и почему в разгар рабочего дня не на службе находимся. Не думаю, что среди вас найдется кто-нибудь, кто о наших прошлых похождениях не слышал, но если таковые присутствуют, давайте знакомиться. Зовут меня Мурзик, и я не кот, а кобель немецкой овчарки, пяти лет от роду и самых чистых кровей. Родословную приводить не буду, потому как от перечисления всех моих предков даже настоящий любитель генеалогии уснуть может, а рядовой обыватель уже на втором имени язык сломает. В общем, придется вам на слово мне поверить и мою породистость принять как аксиому.

Профессия у меня не самая популярная, но меня она вполне устраивает. Я служу в милиции. Причем не один, а вместе со своим хозяином, Рабиновичем Семеном Абрамовичем. Он у меня тоже еврей породистый, но о своих предках предпочитает не распространяться. Те два товарища, которые спросонья болтать любят, – Жомов и Попов – тоже мен-ты. Причем не обычные. Если мой хозяин кинологом служит, то есть за мной присматривать приставлен и, по идее, меня холить и лелеять обязан, то Ваня у нас омоновец, а Андрюша экспертом-криминалистом подвизается, в чине млад-

шего лейтенанта. Все о второй звездочке на погоны мечтает и о том, сколько новых рыбок себе в аквариум на соответствующую прибавку к зарплате купить сможет. Правда, не знаю, дождется ли когда-нибудь, потому как с нашим образом жизни скорее прописку в сумасшедшем доме получить можно, чем запись о повышении в личное дело внести.

Кстати, об образе жизни. Служили мы нормально и никому не мешали, пока одному излишне умному колдуну по кличке Мерлин не пришло в голову при помощи магии переместиться из древней Англии в Палестину. Что— то он в своем заклинании напортачил и оказался не на Святой земле, а в нашем времени, причем на пути у моих друзей, желавших продолжения банкета в честь Дня милиции. Менты ради развлечения решили задержать Мерлина с Артуром и Ланселотом, нагло расхаживавших в такой святой день с холодным оружием в руках. Кончилось это задержание тем, что нас отбросило в прошлое и пришлось самостоятельно искать путь домой.

Где мы только за последнее время не побывали! И в мире скандинавских мифов, и в античной Элладе, и Моисею людей из Египта помогали выводить. А все из-за того, что во время нашего пребывания в прошлом мы по незнанию наделали целую кучу ошибок и до сих пор их исправить никак не можем. Вот и приходится мотаться по прошлым временам и параллельным вселенным. Не знаю, как мои менты, но лично я конца и края этому не вижу.

– Нет, я, конечно, понимаю, что ошибки нужно исправлять, но не понимаю, почему из-за погрешностей в действиях отставших в развитии гуманоидов я тоже вынужден оказываться во всяких там карагандах, – услышал я еще один знакомый голос. Значит, и этот тип здесь. Ну а куда же без него, без нашего драгоценного Ахтармерза Гварнарытуса, малолетнего трехглавого второклассника-второгодника, который на свою беду тоже оказался в ненужное время в ненужном месте и теперь вынужден вместе с нами переносить все тяготы и лишения.

– В Караганде, – поправил Ахтармерза мой Сеня. – Это имя нарицательное, оно не склоняется и не спрягается.

– А какая разница? – плаксиво заметил трехглавый летающий керогаз. – Мне все равно, как это называется. Я к маме хочу.

– А это не к нам, это ты к эльфам обращайся, – фыркнул Рабинович. – Они что-то непонятное мудрят, вот и отправляй им претензии. Желательно в письменном виде.

– Сеня, а мы действительно в Караганде? – наивно поинтересовался Жомов. Мой хозяин застонал и, судя по звуку, хлопнул себя ладонью по лбу. Все. Похоже, пора глаза открывать и брать ситуацию под контроль, а то сейчас такой цирк устроят, что хоть святых выноси.

Хотя мне в Караганде бывать не приходилось, но для того, чтобы понять, насколько окружающий пейзаж отличался от окрестностей вышеназванного города, большого ума не тре-

бовалось. Хотя бы потому, что в России такого пейзажа просто быть не могло. А если быть честным, я вообще не представлял, что подобное где-нибудь существует.

Мы находились почти в центре идеально круглой лесной полянки с изумрудно-зеленой травой. Настолько яркой и сочной, что она казалась искусственной. Еще более нереальными казались деревья. Похожи они были на дубы, но с идеально ровными стволами и такой блестящей листвой, будто над ней только что потрудился батальон солдат, протирая влажной тряпочкой и полируя лаком. И это еще не все! Нигде, насколько хватало глаз, не было ни одной сухой веточки, ни единого прошлогоднего листочка на земле, а на дорожке из полированного мрамора, пересекавшей поляну с севера на юг, даже пылинки ни одной не было. Как хотите, но я не верю, что такое в принципе возможно на Земле, не говоря уж о России. В общем, «карагандами», как выразился Горыныч, тут и не пахло.

Да что там говорить! Весь окрестный лес казался искусственным. Я даже несколько травинок на зуб попробовал, чтобы убедиться в том, что они не из пластмассы. Оказалось, настоящие. Причем настолько горько-противные, что я теперь всю жизнь буду на коров с сочувствием смотреть: как они, бедняги, эту дрянь жрут? Даже «сникерсы», которыми меня ларечник Армен постоянно пичкает, – е-мое, как давно это было в последний раз? – и то на вкус не такая мерзость.

Я обежал поляну по периметру, подправив ее слаща-

во-приторную растительную вонь нормальным собачьим ароматом, а затем застыл, ожидая, что же мои менты делать будут. Честное слово, хоть мы уже и побывали в самых разных мирах (помните, я вам рассказывал?), я думал, что мои сослуживцы будут выглядеть хотя бы чуть-чуть удивленными после пробуждения в таком странном лесу, но все трое выглядели на редкость спокойными, а Ахтармерз и вообще, позабыв о своих жалобах и предложениях, ковырялся в окрестной растительности, разыскивая излюбленный деликатес – каких-нибудь насекомых. Андрюша посмотрел на него тоскливым взглядом и заявил:

– Хорошо некоторым!.. Жрут все, что шевелится. А нас кто завтраком кормить будет?

– Конь в кожаном пальто, – буркнул мой хозяин. – Спроси у...

Неожиданно для всех нас, прерывая Рабиновича, поляну огласил мелодичный звук, похожий на тот, что предвещает обычно вокзальные объявления. Мы застыли, удивленно поглядывая по сторонам и пытаясь отыскать источник звука. Горыныч даже в траве ковыряться перестал, Жомов закончил патроны пересчитывать, а Андрюшин желудок, громко проурчав свое мнение относительно хозяйской заботы о нем, надолго затих. Мелодия тоже резко оборвалась, и приятный женский голос недовольно произнес, видимо, комментируя поведение поповского желудка:

– Ну, нельзя же так. Вы находитесь в общественном месте.

Ведите себя прилично. – А затем, после недолгой паузы:

– Здравствуйте, вас приветствует сервисная служба по оказанию помощи вновь прибывшим. Если вы хотите заказать обед, то для вызова меню произнесите: «Абра– швабра-кодабра». Если вы желаете получить гида-экскурсовода, скажите: «Мазер-бастард-сунареф», ну а если вы ничего не хотите, то и не фиг обращаться с вопросами.

Голос замолчал, вновь зазвучала музыка, а когда и она затихла, Андрюша торопливо произнес:

– Что там насчет еды сказать надо?

– Швабру какую-то позвать, – пожал плечами Жомов. – А выпить нам ничего не дадут?

– Мочу ослиную! – рывкнул мой хозяин. – Ваня, ты когда-нибудь хоть что-то без предварительной пьянки делать можешь? Мы ни хрена не знаем, где оказались и что нас ждет, а ты налакаться собрался. Башка твоя омоновская думает о чем-нибудь или нет?

– Да ладно тебе бычиться. – Ваня растерянно посмотрел на друга. – Я же просто так спросил, чисто ради общей информации.

– Вот больше таких дурацких вопросов и не задавай. – Мой хозяин все еще сердился. – До тех пор пока не поймем, в какое дерьмо мы снова вляпались, ни о какой выпивке и речи быть не может.

– Да скажет мне кто-нибудь, что эта дура по радио о еде говорила? – прерывая всех, возмутился Попов. – Солнце уже

к закату клонится, а мы с утра еще ничего не ели.

Не знаю, но, по-моему, из всех присутствующих Андрюшу больше всех именно я понимал. Но если у меня постоянный голод появляется из-за отличного от человеческого устройства организма, то ненасытность Попова лично я никак объяснить не могу. Может, глисты у него? Или еще какие-нибудь паразиты.

– Скажи «абра-швабра-кодабра», – устало предложил мой Сеня, усаживаясь на идеально зеленую траву. – Чушь, конечно, но хрен ее знает, может, что-нибудь и получится.

Не успел Рабинович договорить фразу, как прямо перед его длинным носом в воздухе появился какой-то свиток жутко древнего вида. С тихим шелестом развернувшись без помощи кого бы то ни было, свиток тряхнул кисточкой, расправляя ее волокна, и замер, слегка подрагивая на легком ветерке. Сеня оторопело уставился на длинный перечень всевозможных блюд, но Попов не дал ему полюбоваться – налетел коршуном и оттеснил моего хозяина своим необъятным пузом. Гавкнуть, что ли, на него, чтобы наглеть хоть чуть-чуть перестал?

– Не понял, – удивленно пробормотал Попов. – А почему тут нигде цены не проставлены?

– А чтобы ты жрал поменьше, – огрызнулся Сеня, обиженный таким непочтением к собственной персоне со стороны старого боевого товарища. – Сейчас наказываешь всякой дряни, а потом тебе такой счет предъявят, что не только без

птанов останешься, но и рыбок своих продашь. Вместе с мамой.

– Не трогай рыбок, это святое, – отрезал Андрюша, но излишествовать и на самом деле не стал. – Мужики, может, кабанчика съедим? Борща-то все равно нет.

– А-а, заказывай что хочешь, – махнул рукой Рабинович.

– А как? – тупо посмотрел на моего хозяина Попов. Вот уж, воистину, голодное брюхо к разумению глухо!

– Крикни погромче, и тебе все принесут, – проинструктировал его Сеня.

Андрюша и крикнул. Я-то мгновенно сообразил, к каким последствиям предложение моего хозяина приведет, но остальные члены команды, судя по всему, не думали, что Попов воспримет инструкции буквально. Терзаемый голодом, криминалист рывкнул во всю силу своих легких, требуя себе кабанчика.

Должен вам сказать, что Андрюша, конечно, парень голосистый и у нас в отделе пару раз даже в конкурсах художественной самодеятельности участвовал, но до Джельсомино ему, конечно, было далеко. Однако в иных мирах и других временных отрезках, куда мы попадали, у его голоса открылись прямо-таки необозримые возможности. Что он продемонстрировал и на этот раз. От поповского вопля у всех, за исключением меня, естественно, заложило уши, трава полегла в направлении его крика и даже деревья ветви в противоположную от Андрюши сторону изогнули. Правда, ни од-

на не отломилась, что само по себе удивительно, зато из ку-стов выпал кабанчик. Не жареный почему-то, а совершенно живой. Только слегка контуженный. Попов оторопело устал-вился на него.

– Не понял, – возмутился он. – Это что, мой заказ? – И тут же заработал от Жомова подзатыльник.

– Андрюша, блин, в натуре, еще раз орать без предупре-ждения начнешь, я тебе все дырки в голове запломбирую, – пригрозил омоновец. – Ори потом тем, чем получится.

– А вот этого не надо, – прочистив уши, предостерег друга мой Сеня. – Представь, что будет, если эта сирена бракован-ная через оставшееся отверстие вопли испускать начнет. Это же не только звуковая, но и газовая атака получится. При-чем зарин и зоман «Майским ландышем» по сравнению с Андрюшиными выхлопами покажутся.

– Козлы вы, – обиделся Попов. – Я же для всех старался. И потом, Сеня, ты же сам сказал, чтобы я крикнул.

Мой Рабинович хотел что-то возразить, но в этот момент кабанчик оглушительно чихнул и поднялся на ноги, тупо оглядывая людей, собравшихся в кучу на поляне. При этом на морде у кабанчика было такое выражение, будто он толь-ко что получил самое большое оскорбление за всю свою сви-нячью жизнь. Не знаю, как остальным моим сослуживцам, но лично мне морда кабанчика напомнила лицо нашего Мат-решкина после того, как Сеня однажды, исключительно ради шутки, а не из садистских побуждений, подделал приказ о

его назначении начальником отдела, а Кобелев пришел и выгнал его из своего кабинета... Как-нибудь напомним, чтобы я подробнее об этом рассказал, а сейчас отвлекаться некогда, поскольку кабанчик заговорил человеческим голосом.

– Нет, блин, неурожайный год вам на желуди, разве можно так с собственным обедом обращаться, – обиженным голосом заявил он. Мы оторопели.

– Я, конечно, понимаю, что вы тут новенькие, но меру-то знать нужно, как вы думаете? – продолжил дикий свин, не обращая внимания на все семь, включая три горынычевских, открытых ртов. – Вы думаете, что, кроме вас, у меня клиентов нет? А хрен угадали! И вообще, нечего обслуживающему персоналу вред наносить.

– Сеня, блин, ни хрена себе – он разговаривает! – сделал открытие Андрюша.

– Угу, – с трудом захлопывая челюсть, заявил мой хозяин. – А тебе его еще и есть нужно будет.

– Да ни за что! – рывкнул Попов.

– Так, значит, вы заказ снимаете? – с надеждой в голосе поинтересовался кабан.

Вот тут я окончательно оторопел. Я-то думал, что мой Рабинович пошутил, когда говорил о том, что Андрюше этого парнокопытного болтуна есть придется, а оказалось, что кабанчик и в самом деле был поповским заказом. Интересно, руководством этого санатория предполагалось, что мы свиную сырой есть будем? Это ведь мне или там Горынычу та-

кое не впервой, а для людей – неизлечимая травма психики. Или мы самостоятельно его жарить должны? В принципе нет проблем. Керагаз, хоть и говорящий, но имеется. Жаль только, что в качестве вертела использовать нечего. Не на резиновую дубинку же его насаживать!..

– Какой заказ? – тем временем переспросил у свина Попов.

– Кабанчика заказывали? – устало поинтересовался говорливый парнокопытный зверь, усаживаясь на задние лапы.

Андрюша кивнул.

– Ну а чего пялитесь тогда? Будете есть, или мне назад отправляться?

– Тебя есть? – Попов окончательно ошалел.

– Он у вас придурочный? – Кабан почему-то спросил это у моего хозяина. Видимо, Сеня даже у говорящих зверушек приступы полного доверия вызывает.

– Есть немного, – согласился Рабинович. – А что, сильно заметно?

– Тогда держите его в соответствующем заведении или хотя бы с громкой связью работать не позволяйте, – возмутился свин. – Сами-то заказ подтвердите, или я сюда без толку тащился?

– А как тебя есть можно? – встрял в разговор любознательный Ваня. – Ты же не жареный!

– Ой, господи, проблему нашли, – фыркнул кабанчик и на наших глазах оторвал себе заднюю ногу. Пару секунд он по-

махал ею в воздухе, и без каких либо видимых воздействий нога лишилась щетины и подрумянилась. В пасти у кабанчика тут же невесть откуда возникла серебряная тарелка, он положил окорок на нее и с ловкостью шеф-повара престижного ресторана накрошил на тарелку петрушки, сельдерея и еще какой-то зелени. – Еще вопросы есть?

Не знаю, были ли у кого-нибудь из моих ментов вопросы, но лично я даже пожеланий не имел. Нет, вы не подумайте, что мне свиные ножки никогда есть не приходилось, но не таким же способом! Значит, этот кабан сначала с нами разговаривает, потом спокойно отрывает у себя окорок и, не переставая общаться, протягивает нам собственную конечность на тарелке. Не знаю, как вам, но лично мне такой способ питания не понравился. Плевать, конечно, на то, как местные кабаны со своим собственным телом обращаются, но, если они хотят, чтобы я ими питался, пусть готовят жаркое не на моих глазах. А то, честное слово, каннибализмом все это здорово воняет... Похоже, у моих ментов было сходное мнение.

– Андрюша, ты это есть будешь? – брезгливо поинтересовался у криминалиста мой хозяин.

– За дурака меня держишь? – обиделся Попов.

– А в чем, собственно говоря, проблема? – возмутился их реакцией кабанчик. – Мясо свежайшее, зелень только что из огорода, кетчуп или майонез – на выбор. Что вас не устраивает? Капризничать вздумали? Теперь что же, заказу пропа-

дать? Или мне самому собственную ногу есть?

– А это уж как хочешь, только мы такой дрянью питаться не будем, – покачал головой Рабинович.

– Ну, как хотите, – фыркнул свин и, приделав назад око-рок, тут же начавший обрастать щетиной, поплелся обратно в лес. – Только учтите, что я о ваших выходках начальству непременно доложу...

– Сеня, ты куда нас затащил? – наивно поинтересовался Андрюша, провожая кабанчика глазами. – Вытаскивай нас срочно из этого сумасшедшего дома!

– Андрюша, я уже этой керосинке летающей говорил, – мой Рабинович махнул рукой в сторону Горыныча, – куда со своими претензиями обращаться. Вот садитесь вместе и пишите прошение на имя Лориэля. Потом можете попробовать телефон в окрестностях найти и с ним о встрече договориться.

Речь моего хозяина тут же заглушила прежняя мелодия, а затем голос той же суч... то есть женщины – ну путаюсь я все время! – оповестил:

– Абонент временно недоступен. Телефон либо отключен, либо находится вне действия нашей станции.

– Тьфу на вас всех! – окончательно потеряв терпение, рывкнул Рабинович и, поднявшись с травы, заявил: – Пошли отсюда, пока все до единого с ума не посходили.

– А куда пойдём? – поинтересовался Жомов.

– А куда глаза глядят, – буркнул мой хозяин и пошел по

тропинке на север. Куда, собственно говоря, глядел лишь он один.

Мы вереницей потянулись за Рабиновичем. Причем тихогодного Горыныча, как обычно, взял на плечико вместо багажа Андрюша Попов. Кстати, о багаже. Обычно мы начинаем путешествие налегке и к его окончанию обрастаем пожитками, как бездомная сучка по весне – свитой почитателей. В этот раз было все иначе. Сеня, конечно, изо всех сил старался в Египте нажать побольше добра, но некий субъект с отвратительным характером, тошнотворно слащавым именем, маленького роста и скоммунизденными у зазевавшейся мухи крыльями – вы понимаете, о ком я говорю, – испортил моему хозяину все удовольствие.

Надо же было додуматься до того, чтобы вышвырнуть Рабиновича из Мемфиса и даже вещи не дать собрать?! Я думаю, теперь у эльфоненавистника Попова появится новый идейный друг, а у Лориэля одним непримиримым врагом станет больше. Хотя почему одним? Я в эту компанию тоже запишусь, хотя бы потому, что из-за испорченного эльфом настроения моего хозяина мне теперь не один день его альфа-лидерские замашки терпеть придется.

Слава Полкану, Сеня меня своими придирадками пока не тревожил. Он хмуро шел впереди колонны всей, ни на что не обращая внимания. Да, собственно говоря, вокруг и не было ничего, на что стоило бы посмотреть. Лес по обеим сторонам тропинки был удивительно одинаковым: те же дубы с отпо-

лированной до блеска листвой, та же травка, вопреки всем законам логики удивительно одинаковой высоты, словно газон перед особняком нашего мэра, и невероятное для любого россиянина отсутствие какого-либо мусора. Даже обертки конфетной нигде не валялось, не говоря уже о таких обязательных вещах, как расколотые водочные бутылки, помятые консервные банки и пустые пачки от сигарет. В общем, было ясно, что если здесь кто-то и живет поблизости, то только настоящие дикари, не имеющие никакого представления о ландшафтном дизайне.

Мы шли минут тридцать, наверное, по совершенно однообразной местности. Не знаю, как моим друзьям, но лично мне стало казаться, что мы с места не сдвинулись, словно на тренажере топчемся. Я даже оглянулся назад, готовый к тому, что увижу позади себя ту самую поляну, с которой мы так упорно уходили. Не увидел и облегченно тьякнул. Менты тут же застыли и удивленно посмотрели на меня.

– Нет, Сеня, что ни говори, но мне твой Мурзик, в натуре, не нравится, – задумчиво проговорил Жомов. – Поторопился бы ты с ветеринаром. А то я уже беспокоюсь, блин, на хрен.

– За Ленку за свою беспокойся, – огрызнулся мой хозяин. – А пса моего в покое оставь. Зоофил хренов! – И пошел дальше.

– Андрюха, а «зояфил» – это кто такой? – ткнул Попова в бок омоновец.

– А это тот, у кого жена – корова. Или хотя бы свинья. – Криминалист хитро прищурился.

– Не понял, он на Ленку, что ли, наехал? – оторопел Ванюша. – Не, она, блин, не манекенщица, конечно, но и не корова. При росте метр восемьдесят – восемьдесят пять килограммов веса, это почти нормально. Чего он гонит? Может, ему из еврейского носа грузинский сделать?

– Дурак ты, Ваня, – разочарованно вздохнул Попов и подтолкнул омовца в спину. – Иди вперед лучше, хирург ты наш пластический.

Менты вновь зашагали по тропинке на север. Я пару минут бежал рядом, стараясь найти в окрестном пейзаже хоть какой-нибудь дефект, а затем начхал на это дело и решил поразмяться. В конце концов, с той скоростью, с которой мои соратники передвигаются, я могу и на десяток километров отстать и все равно через двадцать минут догоню как миленьких.

Я свернул с тропинки и углубился в лес. Углубляться пришлось довольно далеко, и своих ментов я из виду минут через пять уже потерял. Зато сразу нашел стайку косуль. Беспечные идиотки паслись спокойно на зеленой травке, даже не догадываясь о том, какой к ним грозный хищник приближается. Спрятавшись за дубовым стволом, я подождал, пока стадо подойдет поближе, а затем с грозным рычанием выскочил косулям навстречу... Как вы думаете, что дальше произошло? Косули бросились врассыпную?.. Не тут-то бы-

ло! Застыли на пару секунд, рассматривая меня бесстыжими зенками, а затем вожак стаи, фыркнув, постучал себя копытом по тому месту, откуда рога растут. Дескать, во идиот! И откуда ты, мол, взялся?

Я, естественно, такой наглости стерпеть не мог. Мало того, что этот лось недороженный меня не боялся, так еще и дураком назвать решил. Это за какие такие заслуги, скажите на милость? Я бросился вперед, собираясь разогнать обнаглевших парнокопытных, да и покусать тех, кто в зубы попадется. Однако снова, вопреки всяким законам джунглей, стадо косуль не разбежалось в разные стороны. Большинство из этих рогатых наглецов вообще на меня внимания не обратили. А вожак, на которого я прыгнул, вместо того чтобы броситься в сторону или хотя бы рогами меня встретить, взял, гад, развернулся ко мне крупом и подставил заднюю ногу. Явно для того, чтобы мне ее укусить удобнее было.

Я, конечно, пес сторожевой, а не охотничий, но все— таки хищник и дичь погонять люблю. Со своей добычей обычно не в ладушки играю, а загрызаю безжалостно и с наслаждением. Но какой уважающий себя пес будет кусать жертву, которая сама подстраивается так, чтобы в пасть удобней войти?.. Не я, это точно. В самый последний момент мне удалось сгруппироваться в полете и слегка изменить направление прыжка, но не удариться о вожака стаи я не мог: врезался в него боком, свалил на траву и упал сам, отлетев на пару метров. Поднявшись с земли, я собрался уйти от этих идио-

тов подальше, но этот придурок рогатый, удивленно посмотрев на меня, покачал головой, в два прыжка преградил мне путь и сунул свою ногу прямо мне в зубы.

Честное слово, кусать его я не собирался, но с рефлексами своими совладать не мог и в ляжку вожака клыками вцепился. Думаете, он заорал и дал деру? Как бы не так – ляжку свою повернул, подсовывая мне в пасть кусок пожирнее... Тьфу, идиот! И, выплюнув шерсть, я бросился прочь с поляны, подальше от этих сумасшедших. По дороге мне попался заяц, и я, надеясь хоть как-то успокоиться, решил погонять его по лесу. Однако и этот извращенец бегать от меня не стал, а с совершенно блаженным выражением на морде попытался просунуть в мою пасть свою дубовую ушастую башку. Это было уже слишком, и я с диким воем бросился прочь из ненормального леса, поближе к своим нормальным ментам.

Доблестные российские милиционеры мой вой услышали и с перекошенными мордами, выразившими безмерное удовольствие в предвкушении хорошей драки, отцепив от пояса дубинки, заняли боевые позиции. Ну, их-то понять можно. Они люди служивые и привыкли на любые нештатные ситуации адекватно реагировать, а вот с чего это Горыныч раздулся и к драке приготовился, я понять не мог.

Увидев своих соратников в полной боевой готовности, я резко затормозил и постарался всем своим видом показать, что никакой опасности нет и я просто поиграть решил. Даже

хвостом пару раз вильнул и к лесу обернулся. Лучше бы я этого не делал – следом за мной мчался тот придурочный заяц, и едва я развернулся к нему, как косой тут же снова нацелился засунуть свою пустую башку мне в пасть. Я взвыл от ужаса и, пытаясь скрыться от сумасшедшего маньяка, проскочил у Жомова между ног. Омоновец дико захохотал.

– Сеня, я тебе говорю, что пес у тебя шизанулся! – завопил он, подхватывая длинноухого убийцу на руки. (Да хрен с тобой, обзывайся. Спасибо, что хоть от зайца спас!) – Ты посмотри, от кого он бегать начал. Блин, тестю расскажу, ни за что не поверит!

– Я тебе расскажу, – рыкнул на него Сеня. – А зайца лучше брось. Мурзик от кого попало бегать не будет. Наверняка этот грызун бешенством болеет. Иначе почему бы он за моим псом по лесу гонялся?

– Скажешь тоже, бешенством, – недоверчиво буркнул омоновец, но зайца все-таки бросил.

Косой тут же рванул ко мне, но Сеня махнул на него дубинкой, пытаясь прогнать прочь. До зайца наконец-то дошло, что его тут никто есть не собирается, и этот длинноухий придурок, недоуменно пожав плечами, попрыгал обратно в лес. Только теперь я облегченно вздохнул. Е-мое, это куда же мы попали?! Заберите меня отсюда, и я клянусь, что даже «сникерсы» проклятые с удовольствием трескать буду!

Ох, мечты-мечты! Никто меня, естественно, из этого сумасшедшего мира забирать не собирался. Впрочем, как и

моих ментов. Так что троим друзьям ничего другого не оставалось, кроме как прицепить дубинки обратно к поясу и продолжать свое путешествие. Горыныч постарался минимизироваться и вернуться обратно на руки к Попову, но сразу у него это не получилось, и неуклюжему Ахтармерзу пришлось ковылять за нами по тропинке метров двести, прежде чем ему удалось в достаточной степени уменьшить свой рост. Андрюша подхватил его на руки, и путешествие продолжалось так же, как и начиналось – хмурый Сеня впереди, Ваня Жомов следом и Попов с Горынычем в арьергарде. Правда, одно исключение все-таки было. Рабинович пристегнул к моему ошейнику поводок и заставил меня идти рядом. Впрочем, никуда убегать я больше и не пытался. Так мы и передвигались по мраморной тропинке до тех пор, пока Андрюша не выдохся.

– Сеня, блин, куда ты нас ведешь? – завопил он, когда отстал от нас метров на семьдесят. – Я уже задолбался идти на голодный желудок...

– А ты такси вызови, раз ножками топать устал, – ехидно ухмыляясь, предложил мой хозяин.

– И вызову! – с отчаянием в голосе заявил криминалист. – Та-акси-и!

Жомов с Рабиновичем уже собрались заржать, словно кони на водопое, но тут произошло невероятное: на тропинке позади нас появилась желтая «Волга» с черными шашечками на борту. Тихо урча мотором, машина остановилась ря-

дом с застывшими в изумлении ментами, и небритый водитель в кожаной кепке и черных очках распахнул переднюю дверцу. Я судорожно сглотнул, стараясь понять, что вокруг нас творится.

– И чего стоим? Такси заказывали? – ворчливо поинтересовался шофер. – Куда ехать будем?

– А куда надо? – ошалело поинтересовался Андрюша.

– Ну, вы, блин, даете! – изумился таксист. – А я откуда могу знать, куда вам надо? Короче, или решайте быстрее, куда едем, или до свидания. Мне с вами лясы точить некогда. У меня, между прочим, дневная норма есть.

Пока остальные хлопали ртами, пытаясь понять, откуда в лесу взялось такси, да еще с номерами нашего региона, мой Сеня сориентировался мгновенно. Затолкнув меня на заднее сиденье, он занял место рядом с водителем и, со знанием дела указав подбородком вперед, заявил:

– Давай, командир, вези нас в ближайшую гостиницу, – а затем повернулся к Жомову с Поповым: – Вы сядете или пешком дальше пойдете?

Вот уж не знаю, то ли у моего хозяина нервы железные, то ли он вообще за время наших странствий изумляться разучился, но его сообразительности должное отдать я просто обязан. А уж верхом Сениной гениальности стало то, что он водиле под нос ментовское удостоверение сунул – можно подумать, нашу профессию по наличию милицейской формы определить нельзя! – и потребовал ехать быстрее, поскольку

ку мы все находимся на оперативно-розыскной работе. Что в переводе на нормальный язык означало: «Мужик, о деньгах даже не заикайся!» Водитель в ответ пожал плечами, дескать, мне плевать, и втопил педаль газа в полик.

Судя по тому, сколько времени мы затратили на поездку, такси можно было и не вызывать. Не прошло и пяти минут после нашей погрузки внутрь желтой «Волги», как лес закончился, и мы прямо с опушки въехали на улицы странного города. Собственно говоря, это место назвать ни «городом», ни «улицами» язык не поворачивался. Дома стояли как попало, на огромном, по российским меркам, удалении друг от друга, да и выглядели в большинстве своем словно бред малолетнего архитектора песочных замков, крайне склонного к шизофрении. Одно только жилище, состоявшее из отдельных комнат, расположенных на ветвях баобаба и соединенных между собой веревочными лестницами, чего стоит! О перевернутой вершиной вниз пирамиде я уже и не говорю. В общем, если вы поклонник сюрреализма, то вам бы тут понравилось. Мне – нет. Причем настолько, что я не отказался бы даже вернуться обратно в Египет, и пусть амаликитяне вместе с Рамсесом одновременно на наше воинство нападают...

Как это «когда такое было»? Отстаньте от меня. Не буду ничего заново пересказывать. У меня дела поважнее есть. Вон, например, Попову помочь челюсть захлопнуть, а то он ею пол у такси продавит. Или у Жомова кулаки разжать, ина-

че он пассажирское кресло, в котором мой хозяин сидит, с мясом из креплений вырвет. В общем, ментов моих срочно в чувство приводить. И я принялся орать во все горло, поскольку кусать их было бы неэтично – коллеги все-таки, клеща им энцефалитного под мышку.

Мои вопли на ментов действовали, тем более что и Горыныч помог, самоназвавшись гидом и начав трепать языком по поводу увиденных нами архитектурных стилей и их принадлежностей к тем или иным параллельным вселенным. Голосок нашего трехглавого второгодника вместе с моим грозным рыком действовали на моих друзей отрезвляюще, и они, помотав головами, пришли в себя. Ваня даже умудрился не изувечить пассажирское кресло. Только чехол на нем порвал. Водитель, кстати, лишь покосился на Жомова, но высказывать претензии омовцу не решился.

– Ни хрена себе наган, – удивленно пробормотал Ваня. – Это что тут за шизики живут?

Ответа, естественно, ни от кого не последовало, только Горыныч пробормотал себе под средний нос что-то нечленораздельное. Остальные и вовсе молчали, не переставая пялиться по сторонам. Впрочем, и это удовольствие длилось недолго. Наш водитель включил правый поворотник и притормозил, выруливая к обочине дороги, прямо у какого-то странного здания, удивительно похожего на кривобокий свиарник. С соответствующим ароматом, естественно. На свиарнике криво болталась неоновая вывеска с пятью красны-

ми звездами и надписью: «Отель им. Джека Потрошителя». Водитель кивнул в сторону свинарника.

– Приехали, – равнодушно проговорил он.

– Ты куда нас привез? – угрожающе поинтересовался мой хозяин. – Это что за сарай такой?

– Читать не умеете? – подивился водитель. – Написано же, что это отель. Ближайший, как вы и просили. Он же единственный, если вам интересно.

– Предполагается, что мы тут будем жить? – язвительно поинтересовался Сеня.

– А мне все равно, если поесть дадут, – пожал плечами Андрюша.

– И выпить! – поддержал его Жомов, но, увидев лицо Рабиновича, сник: – Да пошутил я. Пошутил.

Сеня пристально посмотрел на друзей, затем испепелил взглядом водителя, словно тот был виноват в том, как выглядит единственный в окрестностях отель, и, поскольку ничего другого не оставалось, выбрался из машины. Жомов с Поповым вылезли следом, предоставив мне почетное право последним покинуть такси. Чего я делать не хотел, поскольку водитель был единственным говорящим существом в видимых окрестностях и не стоило покидать его, не попытавшись хотя бы узнать, где мы находимся. Я рычанием попытался навести ментов на эту мысль, но они, как всегда, остались глухи к моим доводам. Зато Горыныч проявил сообразительность.

– Извините, пожалуйста, будьте добры, подскажите нам, в каком именно месте мы очутились? – крайне вежливо поинтересовался он, просунув среднюю голову в открытое окошко машины.

– А фиг его знает, – пожал плечами водитель. – Я сам не местный. – И, включив передачу, умчался со стоянки.

– Я, блин, не понял, этот бык не офигел? Ему крышу с мансарды не сдвинуть набок? – ошарашенно поинтересовался Жомов. – Как это он не местный, если знал, куда нас везти?

– А ты догони и спроси, – меланхолично посоветовал Сеня. – Только давай быстрее, пока таксист далеко не уехал.

Наивный омоновец кивнул и, придерживая рукой кепку, бросился было по улице вслед за желтой «Волгой», командным голосом требуя у водителя немедленно остановить машину. Глядя вслед Жомову, Сеня присвистнул и покрутил пальцем у виска. Андрюша фыркнул в кулак, а мне пришлось изо всей силы рывкнуть, пытаясь вернуть омоновца. А то полкан его знает, куда он со своей простотой умчаться надумает. К счастью, Ваня и сам сообразил, что над ним прикалываются, и, пробежав метров двадцать, остановился.

– Нет, Рабинович, ты определенно козел, – уведомил Жомов Сеню, возвращаясь назад. – Тебя даже ментом назвать нельзя. Ну какой нормальный мент так над друзьями издевается?

– Не бери в голову, бери в плечи. Шире будешь, – усмех-

нулся в ответ мой хозяин.

– Во-во, и еще чужие поговорки ворует, – подвел итог Вания, но в силу отходчивости бесчестить моего хозяина не стал. Тем более что дверь в отель открылась, и на пороге появился швейцар. Могу вам сказать, что не я один уставился на этого гостиничного служителя с выражением крайнего изумления на морде.

Швейцар, как ему и полагалось по штату, был одет в двубортный малиновый пиджак, обильно расшитый золотым галуном. Темно-синие брюки украшали огромные, с мой хвост шириной, бордовые лампасы, а на голове швейцара красовалась зеленая фуражка с белой надписью «Джек Потрошитель» на козырьке и огромной золотой кокардой, изображающей перекрещенный ножами череп, почивающий в открытом гробу. Но самым удивительным была не его форма, а крылья за спиной. Точно такие же, как у Лориэля, но размеров на сорок больше... Эльф! Котом буду, настоящий эльф!

– Добрый день, – оскалившись во все тридцать два идеально белых зуба, поздоровался он. – Рады вас приветствовать. Номера «люкс» для каждого уже приготовлены. Ну а если желаете, то можете попариться в настоящей русской баньке. Она уже протоплена, и мы даже «Жигулевское» пиво в трехлитровой банке для вас припасли. Что к нему подать, воблочку или раков?

– Раков! – рявкнул Жомов и повернулся к Рабиновичу: – Сеня, только заикнись мне о сухом законе, я тебя в топке,

как Чапаева, сожгу.

– Чапаева не сожгли. Он сам утонул, – оторопело поправил Ивана мой хозяин.

– Мне плевать, что там с Чапаевым было, но тебя я сожгу. Прямо в бане, и угореть не побоюсь! – отрезал гениальный омоновец и помчался к швейцару. – Показывай, где баня, орел ты мой перепончатый.

– Стой! – рявкнул ему вслед Сеня. Жомов замер, удивленно посмотрев на моего хозяина. А тот, в свою очередь, уставился на швейцара:

– Ну-ка, колись, гад, куда нас в этот раз занесло?

– Это Эльфабад, – прежде чем гостиничный служитель успел открыть рот, проговорил Горыныч. – Столица вселенной эльфов и резиденция Оберона. Мы в школе, еще в первом классе ее по межвселенской географии изучали как перекресток четырех сотен миров. – Ахтармерз смущенно потупился: – Я просто не сразу вспомнил...

– Ваш юный друг абсолютно прав, – еще шире, хотя это и казалось невозможным, улыбнулся эльф. – Вы действительно находитесь в Эльфабаде. Город назван так в честь первопоселенцев, пришедших в это место из северных краев после Всеобщего Оледенения. Само слово происходит от фразы аборигенов, говоривших на совершенно идиотском языке. Первопоселенцы никак не могли его освоить и за это нещадно били коренных жителей. Те очень долго пытались сообразить, за что именно они получают по мордасам, но так

ничего и не поняли. Зато, завидя колонизаторов, стали тыкать в них пальцем и, выкрикивая «эльфа из бад», что в переводе означает «плохая эльфа», разбегались в разные стороны. Вот отсюда название города и пошло. – Швейцар глубоко вздохнул и скрючился в чопорном поклоне. – Столица эльфов в вашем распоряжении. Просите, что пожелаете, и, заказав три услуги, четвертую получаете бесплатно. – Эльф поперхнулся. – Хотя о чем это я? Вам же вообще платить ни за что не придется. Уже все проплачено.

– А вот это другое дело, – потер руки Сеня. – Конечно, вопросов у меня много, но они пока подождут. Сначала баня, и смотри у меня, – это швейцару, – чтобы пиво было свежее и не менее трех литров на человека.

– Как прикажете, гражданин начальник, – склонил голову эльф и указал рукой на вход в отель: – Прошу вас, все лучшее к вашим услугам!

Глава 2

Все оказалось действительно на высшем уровне. И отель внутри был куда просторнее, чем казался снаружи, и запахов свинарника отсутствовал, да и сами номера были именно такими, какие показывают в американских фильмах, когда стремятся задуть зрителя его собственной завистью. Несчастный обыватель, пуская слюни, видит, как некоторые умеют жить, а затем идет и тихо ломает мебель на кухне. Самые стойкие после погромов в своих домах идут помогать соседям, и лишь слепым удастся жить счастливо, даже имея дома телевизор.

Доблестные российские милиционеры вообще представляют собой особенную категорию людей, поэтому к прелестям роскошной жизни относятся стоически и не поддаются тлетворной пропаганде. Так что номера отеля хоть и вызвали некоторое удивление у друзей, но лишь из чисто профессиональных побуждений – отчего это их внешний вид не соответствует внутреннему содержанию?! Сеня именно об этом и спросил у швейцара.

– Все просто. Отель кажется намного больше внутри оттого, что мы экономим место и используем при строительстве несколько большее число измерений, чем известно вам, – пожав плечами, ответил эльф. Менты недоумевающе уставились на него, и лишь Горыныч со знанием дела кивнул голо-

вой. — Ну а внешний вид — это издержки нашей жизни. — Еще большее изумление. На этот раз на всех лицах без исключения. — Просто, когда строили отель, начальником управления дизайна служил сын одного высокопоставленного чиновника. Он был жуткой бездарностью, но по понятным причинам многое ему сходило с рук до тех пор, пока Оберон не увидел один из «шедевров» его архитектуры. После этого сыночка с должности сняли, но перестраивать отель, естественно, никто не стал.

— Понятно, — кивнул Сеня. — Так что там насчет бани?..

На счет бани средства уже были перечислены, поэтому и там все оказалось на высшем уровне: пар в меру мокрый, вода не в меру горячая, веники — умеренно березовые, ну а пива и вовсе было без меры. Причем пили его друзья с такой скоростью, что бедный банщик — маленький пухлый эльф с зачехленными в целлофан крыльями — замучился бегать взад-вперед с трехлитровыми банками. Лишь в самом конце водно-паровых процедур менты перестали его гонять, зато заставили аккомпанировать им на арфе, единственном музыкальном инструменте, который за всю свою жизнь освоил банщик, во время совместного исполнения гимна русской бани «Ой, мороз, мороз...».

Попов, завывавший более старательно, чем остальные, в конце концов до того растрогал самого себя, что полез к банщику с веником, предлагая онго попарить. После чего служитель храма чистоты с позором бежал с места попойки, а

Жомову с Рабиновичем с трудом удалось утихомирить разбуянившегося криминалиста и в горизонтальном положении транспортировать его в гостиничный номер, где их нетерпеливо поджидал Горыныч, наотрез отказавшийся от занятия самой извращенной формой российского мазохизма.

– И скажите мне, пожалуйста, зачем вам для того, чтобы по самые уши загрузиться алкалоидами, нужно хорошо провариться? – удивленно поинтересовался Ахтармерз. – Раньше же вы без этого как-то обходились?

– Тебе этого просто так не понять, саламандер ты наш пламенный, – ласково ответил омоновец, неуклюже пытаясь погладить Горыныча хотя бы по одной из трех голов. – Это надо попробовать... Мужики, может, блин, в натуре, приобщим Горыныча к цивилизации?

Ахтармерз с таким предложением был в корне не согласен и, прекрасно зная, насколько быстро Ванюша стремится воплотить в жизнь собственные предложения, не принимая во внимание совершенно никаких возражений, мгновенно метнулся под кровать, где и затаился. Жомов, удивленно посмотрев на пустое место, которое только что занимал трехглавый подопечный, принялся искать его по всему номеру. Однако встать с огромной кровати, на которой даже неохватный Попов занимал не больше четверти общей площади, не успел – дверь в номер отворилась, и на пороге появился элегантный эльф в черном костюме.

– О-о, я вижу, вы уже порядочно отдохнули, – с легкой

иронией в голосе проговорил он. — Мне, конечно, сообщили, что вы ребята шустрые, но я не думал, что настолько...

Дети, запомните раз и навсегда: с дяденьками милиционерами шутить крайне опасно! Особенно когда у них походка шатающаяся, глаза красные и дубинка на поясе висит. Эльф этого не знал, за что и поплатился. Ваня Жомов, который до появления чудака в черном и на кровать пятой точкой с трудом мог попасть, неожиданно точно зарядил шутнику дубинкой промеж глаз. Конечно, такую меткость можно назвать везением, но это смотря с какой точки зрения к данному вопросу подходить. Вряд ли несчастный эльф, пулей вылетевший обратно в коридор, мог сказать, что ему повезло.

— Выйди и зайди как положено, — запоздало посоветовал вслед ему омоновец, а затем удивленно посмотрел на свою дубинку: — Блин, и как это я все успеваю?!

— Ваня, а если это директор отеля был? Или сам Оберон? — хмыкнув, поинтересовался Рабинович.

— А мне по фигу, — пожал плечами Жомов. — Чего это он такой умный? И вообще, двери для того и делают, чтобы в них стучали...

Эльф оказался существом крайне настырным. Мотая головой, словно комолый бык, боднувший с разбегу красный бульдозер, он вполз на четвереньках обратно в номер и, хватаясь за косяк, с трудом поднялся на ноги. Как выяснилось секунду спустя, эльф явно переоценил свои возможности. Коленки у него подкосились, и излишне самонадеянный

шутник вновь рухнул на пол. С третьей попытки эльфу удалось удержаться на ногах, и он обвел ментов мутным взглядом.

– Е-мое, теперь придется поверить в то, что инструкции не всегда составляют тупые чиновники, – пролепетал он. – Было же черным по-эльфийскому написано, что при общении с вами всегда следует держаться настороже. И чего я внимания на это не обратил?

– Ты вообще кто такой? – поинтересовался у гостя Сеня, пока Жомов решал, врезать ли эльфу еще раз дубинкой по башке или теперь можно ограничиться ударом кулака.

– Эксмозль, – постепенно обретая ясность взгляда, представился гость. – Сотрудник Службы Общения с Идиотами. В данный момент являюсь личным представителем Оберона и отправлен к вам, чтобы проводить на встречу с нашим правителем.

– Лориэли, Нимроэли, Эксмозли, – пьяно пробормотал с кровати Попов. – Чего это у вас все имена подозрительно одинаково оканчиваются?

– Не все, а только имена тех, кто принадлежит к эльфийской части населения, – окончательно придя в себя, пояснил гость. – Директора отеля, например, зовут Ерофей, что в переводе на ваш язык означает «очень красивый самец феи». А на восточном континенте распространены другие имена. Например, Уроджинец или...

– Стоп! – Рывкнул на эльфа Жомов, прерывая его лекцию

по именоведению. — Я, блин, не понял, ты чего сюда приперся? Сказки нам рассказывать, Шахерезада хренова?

— Ваня, тебе же сказали, что Эксмоэль должен проводить нас на встречу с Обероном, — терпеливо объяснил другу Рабинович, а затем повернулся к эльфу: — Боюсь, это randevu придется перенести на завтра. Сегодня мы с дороги отдыхаем, да и просто не в состоянии идти.

— Не, блин, я пойду, — грозно зарычал омоновец. — Я давно с этим уродом хотел поговорить!..

— Не вижу никакой проблемы, — не обращая внимания на Ваню, ответил Сене эльф и щелкнул в воздухе пальцами. — Так лучше?

Трое друзей тут же оторопели. В одно мгновение от того состояния опьянения, которого они упорно добивались распитием морей разливного пива в русской бане, не осталось ровным счетом ничего! Ваня Жомов, вдруг осознав, что трезвее, чем сейчас, он еще никогда в жизни не был, даже забыл о том, что с Обероном крайне строго поговорить собирался. Сеня, до щелчка эльфа старательно пытавшийся сохранить равновесие, нечаянно его потерял и свалился на кровать, и лишь для Попова, удобно устроившегося в горизонтальном положении, перемена в мироощущениях прошла почти безболезненно. А вот Горыныч неожиданно пострадал больше всех. На заплетающихся ногах он с трудом выполз из-под кровати, приобрел ярко-бордовый оттенок и,

сплетя все три головы вместе, на манер девичьей косы, нагло поинтересовался:

– Так, блин, гуманоиды, ну и кто из вас первым мне на завтрак пойдет?

Все присутствующие оторопело уставились на оборзевшего второклассника, а Ахтармерз, попеременно икая тремя пальцами, изо всех сил старался грозно раздуться. Пару раз ему удавалось увеличиться примерно до размеров стула, но затем силы иссякали, и Горыныч вновь возвращался в исходное положение. На третий раз он расстроено махнул крыльями и, не удержав равновесия, ткнулся головами в ковер. Горестно всхлипнув, Ахтармерз разревелся.

– Вот папе расскажу о том, как вы меня напоили! – сквозь слезы пообещал он. – Мне же нельзя пить. Я же помереть могу-у-у...

– Ты чего, урод, с нашим Горынычем сделал? – угрожающе поинтересовался Ваня, вплотную подходя к Эксмоэлю, ошарашенному не меньше других. – По тыкве схлопотать хочешь?

– Е-мое, – растерянno пробормотал эльф, по-прежнему не обращая на омовца никакого внимания. – Я же совсем забыл, что вместе с вами этот индивидуум путешествует. Сейчас все исправлю!

Посланник Оберона вновь щелкнул пальцами, возвращая всех в исходное состояние, как и было им обещано. Сеня, почувствовав внезапное опьянение, потерял равновесие и сва-

лился, придавив Попова. Горыныч мгновенно пришел в себя и снова спрятался под кровать. На этот раз от стыда. А Ваня Жомов, покачнувшись, боднул лбом эльфа прямо в переносицу. Эксмоэль заработал легкое сотрясение мозга, но, удержавшись на ногах, щелкнул пальцами в третий раз, от чего менты снова протрезвели. Теперь без ущерба для Горыныча. Эльф удовлетворенно кивнул и лишь после этого позволил себе потерять сознание, разбив во время падения вдобавок к носу еще и бровь.

– Ваня, ты хоть что-нибудь без членовредительства делать можешь? – сердито поинтересовался у друга Рабинович.

– А чего я-то? – растерянно буркнул омоновец. – Он сам виноват. Не хрена на нас эксперименты ставить.

– Мужики, а может быть, в чувство Эксмоэля все-таки приведем? – слезая с кровати, поинтересовался Попов. – Он хоть и гад, но с Обероном пообщаться нам не помешает.

Андрюшино предложение было принято без возражений, и путешественники стали, как умели, приводить в чувство пострадавшего эльфа. Ваня попробовал постучать Эксмоэля по щекам, но после пары ударов был дисквалифицирован Рабиновичем за необоснованное применение силы. Мурзик принялся орать на эльфа, а Горыныч дыхнул на пострадавшего своим желудочным сероводородом, надеясь заменить им нашатырь. Однако эффект от действий Ахтармерза вышел абсолютно противоположный желаемому – Эксмоэль впал в кому и начал проявлять первые признаки эпилепти-

ческого припадка, а менты, едва не задохнувшись от вони, выскочили в коридор. Андрюша, менее остальных восприимчивый ко всяким нестандартным запахам, тут же вернулся назад и, схватив со стола вазу с цветами, вылил ее содержимое на голову эльфа. Тот прекратил дергаться и резко сел.

– Странно, – приняв хавшись, задумчиво проговорил он. – Вот уж не думал, что мое заклинание в отношении вас будет иметь такой странный побочный эффект в виде отвратительного запаха. Видимо, я где-то ошибся.

– Бывает, – хлопая по плечу, утешил его Андрюша. – Иди умойся, да поехали к Оберону. Он нас, поди, заждался.

– Поди ж ты, какой прозорливый, – язвительно спародировал Попова кинолог. – Открой лучше окна, умник. А то сейчас горынычевским ароматом всех постояльцев из отеля выкурим.

Пока Андрюша открывал окна, Эксмоэль довольно бодренько проскакал в ванную и вернулся оттуда совершенно как новенький. Со лба исчезла шишка, оставленная жомовской дубинкой, нос, расплывшийся после стыковки со лбом омоновца, также вернулся в прежние границы, да и расщеченная бровь обрела первозданное состояние.

– Ну вот, зря старался, – посмотрев на него, разочарованно вздохнул Ваня и почесал затылок. – А с другой стороны, классно тут было бы с подозреваемыми работать. Бей их, сколько душе угодно, следа все равно не останется.

– А ты попроси Оберона, чтобы он тебя на работу взял, –

язвительно посоветовал Жомову Сеня.

– Не-а, – покачал головой омоновец. – Ленка не разрешит. Да и на хрена мне в таком месте работать, где каждый урод тебя одним щелчком пальцев протрезвить может? Так и трезвенником стать недолго...

– Что для тебя, конечно, смерти подобно, – продолжая острить, закончил за него Рабинович и повернулся к Эксмоэлю: – Показывай дорогу, омоновское разочарование.

Внизу, около дверей отеля, путешественников ждал шикарный лимузин, около которого возвышался угрожающего вида громила, с клыками, торчащими наружу из широкого рта, маленькими пороссячьими глазами и кулаками, больше похожими на две наковальни, чем на обычные кисти рук. Громила распахнул дверцу, приглашая всех в автомобиль, но Сеня остановился рядом с ним и, кивнув в сторону уродца, поинтересовался у Эксмоэля:

– Это что еще за чучело? На эльфа вроде бы не похож. Или это плод каких-нибудь генетических экспериментов?

– А, не обращайтесь внимания, – фыркнул эльф. – Обычный гоблин, и ничего больше. Мы их не жалуем и въездные визы в наш мир обычно не даем, но в последнее время пошла мода нанимать гоблинов в качестве телохранителей. Пришлось и Оберону, чтобы не казаться архаичным, нанять себе несколько таких субъектов. А что? Я считаю, дело того стоит. Гоблины хоть и тупы до невозможности, но зато делают все, что им хозяин говорит. Скажешь им, чтобы руку себе

сломали, они ееломают. Скажешь...

— А я-то думал, что все эльфы гоблинов ненавидят, — удивленно проговорил Попов.

— Не все, — покачал головой Эксмоэль. — Только правые радикалы. Все-таки гоблины — это вам не сексуальные меньшинства. — Эльф замолчал и нетерпеливо щелкнул пальцами. — Садитесь в машину, пожалуйста. Мы уже опаздываем. Вам-то все равно, а мне начальство голову открутит.

— А вот это нам действительно все равно, — заверил его Рабинович, но в лимузин все же сел.

Шикарный автомобиль тронулся с места, как только все забрались внутрь. При этом Горынычу слегка прищемили хвост, и он зашипел от боли, выпустив три тоненькие струйки пламени прямо в затылок водителю. У того на опаленном месте сразу образовалась изрядная плешь, но единственной реакцией гоблина на утрату волос было задумчивое почесывание затылка. Любопытный Ваня, удивившись такому безразличию, захотел было тюкнуть шофера по темечку дубинкой, чтобы посмотреть, как он на такое увечье отреагирует, но Сеня поймал руку омовца и ею же покрутил у Ваниного виска. Тот хмыкнул, со всем соглашаясь, и дубинку спрятал.

Лимузин тем временем направился в глубь Эльфабада. Рабинович, удостоверившись, что никто больше почумиться над водителем и самим Эксмоэлем не собирается, принялся пялиться в окошко, стремясь навек запечатлеть в памяти бардак эльфийской столицы. Остальные занялись тем

же самым, а особую любознательность проявил Горыныч. Нагло перебравшись прямо по головам Эксмоэля и шофера вперед (у ментов, что ли, таких замашек нахватался?), Ахтармерз забрался на переднюю панель и, скинув оттуда какую-то плюшевую игрушку, устроился на ее место сам. Впрочем, ненадолго. Едва непонятный искусственный зверь свалился вниз, как гoblin, сидевший за рулем лимузина, нажал на тормоз и, уткнувшись мордой в баранку, заревел, топая ногами.

– Будьте добры, заберите ребенка на заднее сиденье, – потребовал эльф, ласково похлопывая одной рукой телохранителя-шофера по плечу, а другой поднимая с коврика игрушку. – Нельзя же позволять ему вести себя так беспардонно.

– А в чем, собственно говоря, дело? – вступился за собрата по запаху Попов. – Ну, залез мальчик на панель. Ну, уронил нечаянно плюшевого уродца. Ну и что за преступление он совершил?

– Видите ли, в этом «уродце», как вы выразились, зашит прах мамочки нашего водителя, – терпеливо пояснил Эксмоэль. – Гоблины крайне толстокожий народ, но во всем, что касается смерти, они очень чувствительны и ранимы.

– Ну, трупы надо уважать, – кивнул головой омоновец и, потянувшись вперед, сгреб Горыныча в пригоршню. – Иди сюда, змей недоделанный.

– Я же сто тысяч раз просил не сравнивать меня с рептилиями! – завопил Ахтармерз и укусил Жомова всеми тремя

головами за один палец. Ваня удивленно посмотрел на разбуянившуюся самоходную керосинку. Горыныч от обиды попытался увеличиться в размерах, но Жомов покрепче сжал кулак, и трехглавый взбесившийся самопых обиженно хрюкнул, отказавшись от своего намерения. Однако пальца из пастей не выпустил.

– Я, блин, не понял, – оторопело поинтересовался оmonoвец, а затем угрожающе посмотрел на Эксмоэля. – Ты чего, урод сизокрылый, с ним сделал? Задолбал уже своей простотой. Ну-ка, верни мальчонку в нормальное состояние, или я у тебя ребра дубинкой считать начну!

– Не волнуйтесь, пожалуйста, ничего с ним страшного не случилось, – после монолога Жомова, натянуто улыбаясь, проговорил эльф. – Его агрессивность – это остаточное явление моих заклинаний. Не обращайтесь на него внимания еще пару часиков, и все само пройдет.

– Врезать бы тебе по чайнику, да смысла нет никакого, – буркнул Жомов и вдруг встрепенулся: – Слушай, а если я тебе челюсть сломаю, она у тебя так же быстро, как ссадина, зарастет?

– Давайте, пожалуйста, без экспериментов обойдемся, – позеленев, попросил Эксмоэль.

– Не обойдемся! – рявкнул Горыныч, отцепляясь от жомовского пальца. – Ну-ка, Ваня, покажи ему, где тыхнамундрики серабрыздры капают.

– Поздно, мы уже приехали, – истошно завопил эльф и, не

дожидаясь окончательной остановки лимузина, выскочил из него на площадку перед огромным деревом, устремившимся ввысь на добрых пятьдесят метров.

Едва Эксмоэль ступил на лужайку, как тут же из закрытого стеклянными дверями огромного дупла, расположенного прямо у корней лесного небоскреба, выскочили десятка два широкоплечих эльфов в серебристых туниках и с копьями из какого-то странного матового материала в руках. Следом за ними, расстилаясь сама по себе, выкатилась бордовая дорожка, и крылатые стражники мгновенно выстроились по обеим сторонам от нее. Около дерева начала собираться ленивая толпа зевак.

– Добро пожаловать в резиденцию Оберона! – торжественно провозгласил Эксмоэль, не переставая косить испуганным взглядом в сторону грозного омовца, и, сделав радужный жест в направлении дупла, пропустил мимо себя путешественников. Те с самым надменным видом прошествовали в указанном направлении. Зеваки были разочарованы.

– Фи, – раздалось из толпы. – Опять экспериментальные модели ментов привезли. А я-то думал, что в этот раз хотя бы бегемотов для прыжков с трамплина в песок доставят.

– Кто там что-то про модели вякнул? – угрожающе поинтересовался Иван, застывая посреди дороги.

– На чужой роток не накинешь платок, – усмехнулся Сения, – но Иван накинет да и в рыло двинет. – Он толкнул омовца в спину: – Иди вперед, Аника-воин. Если будем

на каждого урода крылатого внимание обращать, до Оберона никогда не доберемся. А я лично с ним пообщаться хочу больше, чем всю зарплату у Матрешкина выиграть.

В ответ на такое заявление Попов удивленно хмыкнул и помог Рабиновичу сдвинуть Ванюшу с места. Жомов, досадливо вздохнув, уступил их домогательствам и пошел к дверям своим ходом. Те прямо перед его носом услужливо распахнулись, и трое ментов оказались в просторном холле, расположенном внутри дупла. Предбанник обероновской резиденции, увешанный картинами из жизни эльфов и заставленный манекенами во всевозможных нарядах, начиная от звериных шкур, продолжая воинскими доспехами и заканчивая элегантными фраками, выглядел довольно впечатляюще. Впрочем, ментов он не особо заинтересовал. Лишь Сеня на секунду задержался у манекена в строгом костюме.

– Я понимаю, что всякие шкуры, латы и попоны тут в качестве музейных экспонатов присутствуют, а этот манекен зачем? – И Рабинович ткнул дубинкой чучелу в живот, привлекая к нему внимание Эксмоэля. Неожиданно для Сени музейный экспонат зашипел, схватился за пузо и рухнул на мраморный пол. Кинолог оторопел.

– Так они тут все живые? – удивился он.

– Не все, – ответил посланник Оберона. – Только те, кто в костюмах. Это не манекены, а прислуга.

– Понятно, – облегченно вздохнул Рабинович и, нагнувшись, похлопал корчившегося на полу эльфа по плечу. – Из-

вини, друг. Ошибочка вышла...

В кабинет к Оберону менты поднялись на самом обычном лифте с маленькой крылатой феей в качестве лифтера, кнопок управления и движущей силы одновременно. Трое друзей лишь удивленно покосились на нее, но не сказали ничего, а вот Горыныч кинулся к фее с разинутыми пастью. Неизвестно, съесть он ее хотел или просто покусать, а может быть, и вовсе поцеловать собирался, но лифтерша выяснять это не стала. Она просто двинула Ахтармерза по носу своей волшебной палочкой, и тот, захныкав, уменьшился еще и, взобравшись по штанине Попова, спрятался к нему в карман.

– Вот и сиди там, дебошир, – буркнул криминалист. – А то одна головная боль от тебя.

Оберон оказался высоким и седым как лунь длиннородым стариком. Был он одет в какой-то халат абсолютно идиотского покроя и сидел на высоком троне, стоявшем в глубине просторного зала. Рядом с ним располагались два вооруженных копьями эльфа, а у подножия трона стояли четыре широкоплечих гоблина. Эксмоэль, обогнав ментов, остановился на полпути между ними и тронem и представил собравшихся друг другу. То бишь путешественников – Оберону, а повелителя эльфов – ментам.

– Так вот ты какой, северный олень, – хмыкнул Рабинович. – В принципе я тебя так себе и представлял.

– А ты знаешь, что задолбал меня уже своей простотой? –

обращаясь к Оберону, поинтересовался Ваня. – Давно хотелось с тобой пообщаться, да как-то руки не доходили. Но теперь-то я это упущение исправлю!..

Оттолкнув в сторону Эксмозля, Ваня бросился вперед, прежде чем кто-нибудь из друзей успел его остановить. Впрочем, ни Рабинович, ни Попов вмешиваться и не собирались. В конце концов, нужно было разрешить омовцу подраться как следует, иначе он никому покоя еще пару дней не даст. Гоблины этого не знали, иначе поостереглись бы вмешиваться и позволили бы Жомову пару минут поработать с Обероном. А так они вчетвером бросились на перехват. Сеня с Поповым переглянулись и решили, что телохранители Оберона явно переборщили. Двое на одного еще куда ни шло, а четверо – уже явный перебор. Кинолог с криминалистом тут же отцепили от пояса дубинки и двинулись на помощь боевому товарищу.

– Не трогать никого. Все мои! – рявкнул Ваня, останавливая друзей на полдороге.

Гоблины хоть и были выше омовца ростом и шире в плечах, в скорости ему явно уступали. Обычно неуклюжий, Ваня во время стычек вдруг проявлял такое проворство, какое даже хваленым японским ниндзя не снилось. В одно мгновение преодолев расстояние, отделявшее его от телохранителей Оберона, Жомов подскочил к двум ближайшим клыкастым уродцам. Первого он наградил ударом дубинки в промежность, от чего бедолага потерялся во времени и про-

странстве и, взыв, стал тупо кружить по залу. А второй заработал омовским берцом в коленную чашечку. Хрюкнув, он упал на колено и тут же был поглажен по затылку мощным Ваниным кулаком, от чего ткнулся носом в пол и пару минут не подавал признаков жизни.

Следующие два гоблина на секунду замешкались, подивившись тому, как быстро омоновец расправился с их коллегами, ну а Ваня времени не терял. Профессиональный захват с подсечкой положил одного из телохранителей на пол, и Жомов, одним движением отцепив наручники от ремня, лишил своего противника возможности сопротивляться. Последний герой, оставшийся в живых, позорно заработал пяткой в нос и составил компанию двум своим собратьям по разуму, отдыхавшим на полу. Ваня задумчиво посмотрел на того гоблина, что, завывая, кружился по залу.

– Этого можете добить, – великодушно разрешил друзьям омоновец и вразвалочку пошел к Оберону.

– Bravo, bravo, – улыбаясь, поаплодировал тот Жомову. – Хорошая работа, сынок.

– Пень дубовый у тебя сынок, а не я, – буркнул в ответ Ванюша, не сбавляя шага. – Думал, меня этими олухами остановишь?

Оберон, не переставая улыбаться, отрицательно покачал головой. Сеня подумал, что эльфы с копьями сейчас кинутся Ване наперерез, и приготовился вмешаться, предоставив Андрюше натешиться с потерявшим мужское достоинство го-

блином, однако охранники у трона даже не шелохнулись. Не двинулся с места и Оберон. Остановившись в метре от него, Жомов обвел всех троих эльфов удивленным взглядом, а затем, с сомнением взвесив на руке дубинку, горестно вздохнул и нанес сокрушающий удар.

Конечно, бить старика, пусть и вредного, омоновец не собирался. Во-первых, не так воспитан, а во-вторых, какой интерес дубасить того, кто не сопротивляется? Ваня хотел просто сломать спинку у трона или, в крайнем случае, хотя бы подлокотник. Однако ни того, ни другого у него не получилось. Когда жомовская дубинка была уже всего в нескольких сантиметрах над обероновской головой, повелителя эльфов окутало бирюзовое сияние энергетической защиты, и Ванин рабочий инструмент, ударившись о него, отскочил назад с такой силой, что русский богатырь милицейского разлива едва смог удержать дубинку в руках.

– Ни хрена себе блины! – подивился омоновец и попробовал ударить второй раз. Эффект был тот же.

– А ты думал, я такой ерунды не предусмотрел? – широко усмехнулся Оберон. – Хороший я был бы правитель, если бы не мог заранее поступки подчиненных предугадывать. Может быть, поговорим спокойно? Впрочем, если хотите, можете и втроем дубинками по щиту постучать. Я подожду, пока вы натешитесь.

– Не дожدهшься, – пообещал повелителю эльфов Рабинович. – Давай выкладывай, зачем ты нас сюда притащил. А

потом мы тебе подробно разъясним, что обо всем этом думаем.

Оберон крайне вежливо поблагодарил кинолога за разрешение и принялся трепать языком. Говорил он так долго и витиевато, что Сеня заслушался, восхищаясь тем, как много можно сказать, не говоря ровным счетом ничего. Рабинович попытался запомнить особенно пустые выражения и наиболее бессмысленные обороты, чтобы использовать их в дальнейшем, но ничего из этого не получилось – Оберон так запудрил Сене мозги, что тот, запоминая последнюю фразу, напрочь забывал предыдущую. Ну а пока Сеня старался поучиться у повелителя эльфов словоблудию, Жомов едва не заснул, а Андрюша принялся поглаживаниями успокаивать разбурчавшийся живот.

Собственно говоря, единственной информацией, которую удалось Рабиновичу извлечь из получасовой речи Оберона, было то, что правитель эльфов считал ментов суперменами, а всех остальных – идиотами, которые и гроша ломаного не стоят. Остальную часть речи Оберона воспроизвести было невозможно, и сказать о ней нечего. Наконец и сам правитель эльфов устал себя слушать.

– Ну, суть моего приглашения, направленного вам, сводится к небольшой идее, способной привести народы к всеобщему благополучию и процветанию, к улучшению жилищных условий пенсионеров и бесперебойной подаче тепла на весь Дальний Восток, – подвел черту Оберон. – Я предлагаю

вам, господа, перейти ко мне на службу и тем самым избавить мир от многих бед и потрясений.

– Не понял. – От того, что престарелый эльф замолчал, омоновец сразу проснулся. – Чего ты там говорил?

– Я решил организовать новое ведомство, способное оперативным вмешательством решать любые проблемы в подопечных мне параллельных вселенных, – пояснил Оберон. – Называться оно будет Группа Оперативного Выезда На Объекты, и я предлагаю вам стать ее первыми сотрудниками.

– Охренел? – возмутился Рабинович. – И ты хочешь, чтобы мы работали в конторе с такой аббревиатурой? Да я тебе за такое предложение дома вмиг бы пятнадцать суток обеспечил. Скажи спасибо, что добраться до тебя не могу.

– А что тут такого? – удивился Жомов, но проговорив шепотом название нового эльфийского подразделения, возмутился: – Ни фиги себе! Это что же мне Ленке говорить, когда она меня спросит о том, где я теперь работаю? У меня жена и о милиции-то не слишком высокого мнения, а тут представляю, как они с тещей вместе язвить начнут.

– Действительно, серьезная проблема, – со знанием дела встрял в разговор Горыныч. – У гуманоидов обычно чрезвычайно гипертрофированное самолюбие, и они очень болезненно реагируют на любое сравнение с фекалиями. Нам в классе объясняли...

– Помолчи, тритон мутировавший, – перебил его Сеня, погрозив пальцем. – И попробуй мне только раздуйся от оби-

ды!

– Ничего, ничего. Пусть говорит. Его это предложение тоже касается, – успокоил кинолога Оберон. – Ну а название – это не проблема. Можно вашу группу переименовать. Например, в Летучий Отряд Храбрецов...

– Еще лучше, – перебив его, фыркнул кинолог. – Значит, вместо слова «милиция» у меня на груди будет нашивка «ЛОХ» красоваться? Нет, ты на самом деле охренел...

– Сеня, о чем ты вообще разговор ведешь, – перебил его Андрюша. – Какая разница, как эта контора называться будет, если мы в ней работать все равно не станем?.. По крайней мере, я. Мне мама не разрешит, да и потом, кто за моими рыбками присматривать будет, пока я по всяким там параллельным мирам шатаюсь?

– Ну, об этом, мой юный друг... – лысоватый Попов от такого обращения вмиг ошалел, – ...беспокоиться нечего. Сколько бы вы ни путешествовали, возвращаться всегда будете в тот день и час, из которого отправились в мир иной. Разница будет буквально в несколько минут, и посторонние ее не заметят.

– Это что же получается, – вставил свое золотое слово омоновец. – Значит, пока я тут старюсь, моя Ленка так молодой и будет оставаться? Не пойдет!.. Нет, лично мне это нравится, но боюсь, что жену не устроит. Скажет, я старею оттого, что спиваюсь совсем, плюнет на хрен и уйдет к молодому.

– Прямо туда и плюнет? – наивно удивился Оберон. – Нехорошо.

– Ты давай к словам не цепляйся, нас юмором не проймешь, – урезонил правителя эльфов Сеня, пока Жомов, безмолвно раскрывая рот, придумывал, чем бы ответить на такую гадость. – В общем, твое предложение нам ясно, и оно отклоняется. Ищи себе других дураков.

– Подождите отказываться, вы еще всех условий не выслушали, – нажал Оберон. – Дайте мне закончить, а затем высказывайтесь.

Не думайте, не из корысти, а просто ради удовлетворения профессионального любопытства трое ментов решили выслушать условия старого болтуна. Хотя бы для того, чтобы иметь возможность сравнивать зарплату российских милиционеров не только с доходами американских «копов», но и с соответствующими выплатами эльфийского королевства. Ну а Оберон постарался на славу. Такого наобещал, что у каждого из боевой троицы глаза на лоб полезли.

Старый хрыч прекрасно знал, на какую приманку каждого из друзей ловить, и каждому внес индивидуальные предложения. Общими в его обещаниях были лишь несколько пунктов. Во-первых, финансовая сторона: Оберон обещал буквально засыпать каждого мента иностранной валютой. От монгольских тугриков до древнегреческих оболлов – по выбору. Во-вторых, всем без исключения предполагаемым сотрудникам нового отдела повелителем эльфов были обеща-

ны всемирный почет, уважение и героические лавры на макушку. Непременное упоминание имен эльфийских агентов в мифах, легендах, сказаниях и прочих бредовых творениях самых разнообразных народов к данным почестям прилагается.

Ну и в последнем, третьем, общем пункте обероновских обещаний ментам была предоставлена возможность проводить отпуск в любом времени и месте любой из контролируемых эльфами вселенных. Причем длительность отпуска ничем не ограничивалась, поскольку всегда существовала возможность вернуться в тот же день и час, в который каникулы и начинались. Исключение из этих правил составляла только родная ментам Земля, где в силу субъективных законов природы трое друзей без самоличной организации мировых катаклизмов могли подолгу находиться исключительно в своем собственном времени. Кстати, Оберон милостиво разрешил друзьям вывозить из посещаемых вселенных любые предметы, растения, животных и рыб без каких-либо таможенных ограничений.

Доблестные российские милиционеры на эти общие предложения прореагировали по-разному. Любопытного естествоведа Андрюшу Попова, ясное дело, больше заинтересовал третий пункт, даже глаза загорелись, как у изголодавшегося вампира. Ваня обратил особое внимание на вторую часть предложения, потребовав, правда, чтобы в легендах непременно делались сноски, призывавшие не путать его

честное омововское имя с каким-то там Иваном-дураком. Ну а Рабиновича, конечно, особо интересовали... все три! Действительно, а зачем на частности размениваться, когда прибыль оптом можно получить?

Оберон – он же Хитрый Лис, он же Вечный Жид, он же господь бог в некоторых вселенных – мгновенно уловил перемену настроения у друзей и усилил давление. В первую очередь он обработал Андрюшу, сначала пообещав показать тому целую вселенную-аквариум, а затем вкрадчиво заметил, что поповская мама жутко обрадуется улучшению жилищных условий и медицинского обслуживания («Вы не представляете, каких высот достигли наши врачи!»), дополнительным финансовым вливаниям в семейный бюджет, и к тому же мама непременно восхитится теми почестями, которые будут ей везде воздавать как родительнице славного героя.

– Угу. Это она любит. Вон, всем подружкам и знакомым уши прожужжала, что ее сын не кто-нибудь, а эксперт-криминалист. Причем офицер, – фыркнул Андрюша, а затем помрачнел: – А затем увидит какую-нибудь гоблинскую клыкастую рожу или того же Горыныча и от разрыва сердца помрет.

Поповские вздохи и стоны грозили разрушить всю линию обольщения, выбранную Обероном. Поэтому старый эльф не стал дискутировать с Андреем, а тут же переключился на Горыныча. Ахтармерзу было обещано эксклюзивное обуче-

ние в эльфийских элитных школах с пониженными требованиями к ученикам и поездки домой по пятницам. И прежде чем трехглавый двоечник успел вставить хотя бы слово, повелитель эльфов принялся улещивать омоновца. А главным его аргументом в прельщении Жомова было то, что Ваня может забрать жену и переехать жить в любой другой мир, по собственному выбору, оставив тещу с тестем на Земле.

– Хреново ты мою тещу знаешь, – обреченно хмыкнул Ваня. – Ее жена непременно в гости пригласит, и уж тогда Ленкину маму выгнать из дома даже батальону десантников не удастся. – Жомов махнул рукой. – К тому же ни о каком переезде в другой мир на ПМЖ я даже разговаривать не желаю. Во-первых, Родину не продаю. А во-вторых, как же там без меня ОМОН боевые операции проводить будет?

– Семен Абрамович, вы же человек умный, – возопил Оберон, пытаясь привлечь на свою сторону Рабиновича. – Объясните же друзьям, какой выгоды они лишаются, отказываясь от моего предложения!

– Да, согласен, преимуществ мы лишимся многих, если не согласимся работать у вас, – поддержал кинолог повелителя эльфов. Тот расцвел, но не надолго.

– Но если бы я хотел для себя в первую очередь личной выгоды, то пошел бы работать банкиром, – закончил фразу Сеня. – Оберон, я милицию люблю, и мне без нее как-то тоскливо. В общем, с мужиками я абсолютно согласен. Ты подбирай себе новых людей, а мы вернемся назад и будем

верно служить Отчизне, изредка вспоминая о том, где нас черти в вашем лице носили...

– Подождите, прошу вас. – Повелитель эльфов так разгорячился, что даже вскочил с трона. – Давайте не будем сразу категорически отказываться. Поживите тут пару дней, осмотритесь, взвесьте все «за» и «против»...

Договорить Оберон не успел. Ваня Жомов, так и оставшийся после своего неудачного набега на эльфийский трон стоять рядом с вышеуказанным царским стулом, неожиданно для всех взмахнул дубинкой и обрушил ее на темечко Оберона. Эльфийский правитель удивленно хрюкнул и стек вниз, составив со своим посадочным местом единую скульптурную композицию под названием «Так проходит мирская слава...», а омоновец посмотрел на оторопевших друзей.

– Я только проверить хотел, насколько высоко, блин, защитный купол поднимается, – пожав плечами, простодушно ответил Ваня на вопросительные взгляды Попова и Рабиновича. – Ничего личного, в натуре... Ну-у, если только совсем чуть-чуть...

– Идиот, – констатировал Рабинович.

– Стопроцентный, – согласился с ним Андрей и обернулся к Эксмозлю, с самого начала аудиенции неподвижно торчавшему посреди зала. – Иди помогай своему боссу. Ты уже знаешь, что после Ваниной работы делать нужно.

Оба копыеносца у трона даже не пошевелились, явно впад в кому после Ваниной кощунственной выходки. Жомов даже

дубинкой покачал перед их остекленевшими глазами, чтобы добиться от этих окаменелостей хоть какой-нибудь реакции. Эльфы остались безучастны к Ваниной заботе, и раздосадованный Жомов собрался было выразить свое недоумение по поводу такого свинского отношения охранников к собственной персоне парочкой оплеух на каждого, да Сеня помешал. Рабинович просто сдернул заботливого омовца с тронного возвышения и с помощью Попова утащил его в центр зала. Ну, а пока друзья усаживали Жомова, Эксмоэлю удалось привести Оберона в чувство.

– Раз-раз-раз. Микрофон работает нормально. Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет... Меня хорошо слышно? – поинтересовался повелитель эльфов, сумев наконец сесть на трон. Эксмоэль торопливо кивнул. Менты от удивления клацнули нижними челюстями по мраморному полу, а Оберон удовлетворенно вздохнул и строго поинтересовался:

– Где моя любимая бордовая погремушка?

– Кто? Что? – оторопел сотрудник Службы Общения с Идиотами.

– Чего «кто»? Чего «что»?! – рявкнул Оберон, и копейщики, услышав знакомые интонации, тут же пришли в себя. – Тебе, сопляк, кто позволил этикет нарушать? А ну, марш на свое место, иначе в Урюпинск, в ссылку отправлю. Пенек пикирующий, мать твою...

– Сеня, а ты не думаешь, что Лоризель – внебрачный сын

Оберона? – пока повелитель эльфов орал на своих подчиненных, спросил вполголоса Попов. – Что-то выражения у них очень похожие.

– Не-а, – встрял в разговор омоновец. – Ты посмотри, какой этот высокий, а тот просто клоп прыщавый, в натуре.

– Ну и что? – меланхолично поинтересовался Рабинович. – Может, Лориэля по пьянке зачали, вот он у них и получился дефективный такой. Кстати, Ваня, мотай на ус. Набедокурите с Ленкой с перепоя, и будет у тебя по дому не бравый Жомов-два бегать, а какой-нибудь Жомчик недоразвитый.

– Нет, у нас с этим, в натуре, строго. Мы... – начал было объяснять кинологу Ваня, но, увидев ухмылки на лицах друзей, оборвал себя: – Да иди ты, Рабинович, месяц в ППС дежурить. Чего это я, конкретно, еще и отчитываюсь перед тобой?!

– Не знаю. Может быть, проконсультироваться хочешь, как правильное проводить процедуры, – пожал плечами кинолог, и неизвестно, что сотворил бы взбесившийся Жомов, если бы не вмешательство Оберона.

– Извините, что перебиваю вас, но у нас осталось еще несколько вопросов, – прерывая увлекательную дискуссию друзей неожиданно ледяным голосом, произнес правитель эльфов, привлекая к себе внимание милиционеров. – Не уделите мне несколько минут?

– Да ради бога, – великодушно разрешил Сеня. – Чего ме-

лочиться, если у нас впереди вечность?

– Не понял? – оторопел Оберон.

– А чего тут непонятного, – встрял в разговор догадливый Андрюша. – Мы с вами можем и пару лет беседовать, с перерывами на обед, конечно. Вы же все равно нас домой вернете в тот самый момент, когда из-за стола в Египет выдергивали.

– Нет у меня времени на болтовню с вами пару лет терять, – раздраженно буркнул повелитель эльфов. – Значит, так, я думаю, что несколько поспешил с предложением о сотрудничестве. С вами еще немало придется поработать, чтобы ментовские замашки искоренить, если такое вообще возможно. В общем, вы свободны. Можете считать, что этого разговора не было, и отправляйтесь домой.

– А что там Лориэль говорил о неисправленных ошибках? – ехидно поинтересовался Рабинович. – Сами с ними разберетесь? Или нам опять к какому-нибудь дурдому готовиться?

– Вот, блин, совсем забыл! – Оберон хлопнул себя по лбу ладонью и покосился на Жомова. – Действительно, есть у вас еще одно дельце...

Повелитель эльфов махнул в сторону друзей рукой и что-то невнятно пробормотал. Прямо из его кисти в ментов ударил необычайно яркий луч света и, достигнув их, трансформировался в радужный, переливчатый купол. Горыныч возмущенно пискнул и попытался о чем-то предупредить друзей, но не успел. Как и Андрюша не успел поинтересовать-

ся по поводу обеда. Радужный купол взорвался в глазах путешественников ослепительным светом, а затем их окутала темнота. Мир исчез, остались только сны... Новый переход.

Глава 3

Нет, что ни говорите, а такое обращение терпеть абсолютно невозможно. Не знаю, можно ли поведение Оберона свинским назвать (я ни с одной из свиней лично не знаком и сравнивать их с повелителем эльфов не могу), но скотом его окрестить имею полное право! Мало того, что этот болтливый правитель мухкрылых недоумков во время аудиенции лично меня за пустое место принимал, так еще и вышвырнул всех нас, вместе взятых, из дворца, словно котов блудливых. Мало его Ванечка дубинкой погладил. Нужно было еще берцом наподдать, кулаком прихлопнуть, из пистолета пристрелить, а затем на Курилы отправить, дамбу до материка голыми руками строить. В общем, зол я на Оберона и прочих эльфов. Как на тех, которые нам уже попадались, так и на остальных, которых, надеюсь, никогда в жизни не увижу. Удивительно беспардонный народ. А светлые эльфийские образы в сказках, скорее всего, сами же эльфы и культивировали. Эх, умел бы писать, все до единой легенды, где эти отвратительные существа упоминаются, в корне переделал бы...

А чему это вы удивляетесь? Посмотрел бы я, как бы вы сами возмущаться стали, если бы эльфы хватали вас и швыряли куда попало, даже не спрашивая разрешения и ничего не объясняя!.. Лично я устал теннисным шариком работать.

И хоккейной шайбочкой тоже! А если после всего, что эльфы с нами вытворяли, кто-нибудь из моих друзей помянет их добрым словом, я его, котом буду, очень недобро укушу.

Обычно после переноса в пространстве и времени я первым прихожу в себя, но на этот раз случилось совершенно невероятное – раньше всех очнулся Попов. Когда я открыл глаза, наш лысеющий криминалист сидел верхом на совершенно одуревшем от удивления омовце и, тряся его за лацканы кителя, истошно орал:

– Сволочь ты, Ваня. Из-за тебя все это. Долго я терпел, но теперь убью гада! Задушу собственными руками.

Жомов даже не сопротивлялся. Впрочем, ему поповские тычки и встряхивания были, что сенбернару «стиморол», но лично я, понаблюдав пару минут за экзекуцией, стал беспокоиться за Ванину психику. Что-то уж больно вяло он себя ведет! Не сошел ли с ума из-за неожиданной Андрюшиной агрессивности?... Сеня мою обеспокоенность, похоже, разделял и, едва очнувшись от перехода, бросился оттаскивать озверевшего криминалиста от беззащитного Жомова. После некоторых усилий ему это удалось, и, с трудом сдерживая поповские рывки, Рабинович поинтересовался у пострадавшего:

– Жомов, ты что натворил? Чего это Андрюша на тебя бросился, словно моя тетя Соня на гуманитарную помощь?

– А я откуда знаю? – обиженно проговорил омовец, поднимаясь с травы и поправляя форму. – Сбрендил, наверное.

Пойдешь Мурзика ветеринару показывать, и эту свинью шишанутуюхвати. Пусть ему тройную дозу прививок от сновьего бешенства вкатят.

— Я сбрендил? — завизжал Попов так, что у меня уши заложило. — Это ты чокнулся, бык безрогий, когда Оберону по башке дубинкой стучал. Он же мне самый гигантский аквариум показать собирался, рыбок необычных подарить. А теперь из-за тебя, сволочь ооновская, я остался и без коня, и без воза!

«Приехали» это называется. Я-то думал, что бедняга Попов взбесился от того, что Ваня свой шанс Оберона прикончить не использовал, а, оказывается, положение куда серьезней. Это что же получается: Андрюша за аквариум друзей продать готов? Я оторопело уставился на нашего неутешного криминалиста, да и Жомов с Рабиновичем вытаращили от удивления глаза. Я думал, что они оба сейчас на Андрюшу накинутся за такие крамольные мысли. Ан нет! Вместо того чтобы начать ругаться, мой Сеня заржал, как пожарная лошадь. Даже Попова отпустил. Тот по инерции пролетел вперед пару метров и зарылся носом в кучу прошлогодней листвы, разогнав во все стороны мышей, устроивших там лежку.

Вот тут и Жомов захохотал. Причем так, что от смеха его пополам скрутило. Смех ооовца подхватил Горыныч, что ему было категорически противопоказано, поскольку от этого у Ахтармерза начиналась самовоспламеняющаяся икота. Я увернуться от залпа нашего трехствольного огнемета

успел, а вот Андрюша все еще в куче листвы ковырялся, пытаясь выбраться. Глаза у него были трухой запорошены, поэтому он не сразу и увидел, как вся куча полыхнула. Сгореть, конечно, наш криминалист не сгорел, но напугался здорово. А эти два идиота, вместо того чтобы друга из огня выручать, еще громче хохотать начали, глядя, как Андрюша по поляне носится и горящие листья с себя стряхнуть старается.

– Эх, ну и гад же ты, Сеня, забодай тебя комар! – в сердцах выдохнул криминалист, когда наконец смог избавиться от загоревшихся останков прошлых листопадов. Мой хозяин оторопел от удивления и, судя по вздернувшемуся носу, собрался съязвить что-то по поводу Андрюшиной объективности мировосприятия (ни фига себе, смотрите, какие я слова знаю!), но не успел.

Громкое стрекотание вертолетных лопастей огласило поляну. Мы задрали головы вверх, и я где-то в глубине души понадеялся, что этот звук означает наше возвращение домой. Но ошибся! Вертолетный стрекот ознаменовал появление над поляной жуткого чудовища, явно изображавшего из себя увеличенного при помощи телескопа комара. Эта жуткая животина грузно обрушилась в центр поляны и, поскрябав отвратительными, как у лысого кота, передними лапами по непомерной длины хоботку, окая и растягивая гласные, деловито поинтересовалась:

– Кого бодать будем? Одного или всех сразу? Оптом бодаю дешевле, но сильнее устаю.

– И что из этого?.. – растерянно поинтересовался у него Рабинович. Комар-переросток удивленно посмотрел на него и поскрябал хитиновое брюхо.

– А ничего. – Урод теперь почесал затылок. Блохи его, что ли, замучили? – Тем, кого от усталости недободаю, очереди ждать придется. Так кого бодать-то?

– Его. – Попов безапелляционно ткнул пальцем в моего хозяина.

– Ну ты и свинья! – Сеня от такого предательства друга даже поперхнулся. – Именно свинья. И звать тебя после таких выходов по-другому никак нельзя. Я, блин, если свою животину сейчас же не убережешь, тебе в аквариум порошок с сибирской язвой насыплю. Посмотрю потом, как ты рыбкам прививки будешь делать.

Не знаю, внял бы Андрюша угрозам моего хозяина или нет, но в любом случае сделать этого не успел. Сзади меня, прямо у моего хвоста, раздался истошный визг. Такой, словно... Блин, кота мне на холку, даже сравнить ни с чем не могу. Хотя попробуйте скажите жене в день вашей получки, что вы зарплату пропили или в карты проиграли. Верещание доведется услышать точно такое, какое моему крупу на поляне досталось. Только одно условие: если будете такой эксперимент ставить, то потом, когда в больнице очнетесь, не надо в ваших тяжелых телесных скалко-сковородочных повреждениях меня обвинять. Сами понимать должны, с чем пошутить решили.

Впрочем, я опять отвлекся. Извините. А сзади меня, на поляне, завопил не Андрюша. Этот болтун криминальный все время перед моим носом крутился, а хвостом я к Горынычу стоял. Вот Ахтармерз и завопил. Причем, как оказалось, Попову он конкуренцию в высоких частотах вполне составить может. Прямо не змей трехглавый из параллельного мира, а баньши какая-то. Не понял? Вы о баньши никогда не слышали? Ни фига себе... Ну ладно, просвещу. Я по телевизору однажды передачу смотрел, в которой о всяких мифологиях рассказывали. Так вот, ирландцы когда-то верили, что баньши – это души неверных жен, являвшиеся воину перед смертью и диким воплем извещавшие его о том, что он скоро копыта отбросит. Работа, конечно, не бей лежачего, но можете своей жене сказать, что если вам рога наставлять будет, то станет целый век мотаться по земле неприкаянно, ко всяким уродам являться и истошно на них орать.

Короче, у меня от ахтармерзовского крика шерсть на загривке мгновенно дыбом встала. Да и не у меня одного. Андрюшины редкие волосики зашевелились вокруг лысины, тщетно пытаюсь горгону Медузу переплюнуть, а Сеня мой прической на панка стал похож – ему Горыныч «ирокез» на башке сделал. Хлеще заправского фена уложил. Мы в разные стороны от Ахтармерза отпрыгнули, а тот мгновенно увеличился до размеров колхозного бульдозера и выпустил в сторону комара три мощные струи пламени. Мутант-переросток подогнул разом все лапы, плюхнулся на пузо, а когда

Ахтармерззов залп пролетел над ним, обиженно проворчал:
– Хулиганите, однако. Я сюда бодаться, а не поджариваться пришел. Нехорошо себя ведете.

– Молчи, деликатес ходячий! – взвыл Горыныч, в мире которого насекомые ценятся дороже, чем у нас – черная икра. – Бодаться он пришел! А завтраком поработать не хочешь?

– Не хочу, однако, – отказался комар. – Меня, между прочим, в Красную книгу внесли, как редкую разновидность Гнуса Сибирского...

– А мы тебя сейчас обратно вынесем, – пообещал ему Ваня, отстегивая верный «демократизатор» от пояса. – Шесть секунд!

– Вот и поговори с ними, – неизвестно кому пожаловался комар. – Уйду я от вас. Пусть вас коровы теперь бодают.

Гнус Сибирский взмыл вверх и, застрекотав своими перепончатыми крыльями, больше похожими на лопасти вертолета, чем на летательные приспособления насекомого, умчался куда-то на север. Горыныч еще одним залпом попытался его достать, но лишь верхушки деревьев подпалил, а комару-переростку ничего не сделал.

– И куда он так быстро сбежал? – разочарованно поинтересовался Ваня.

– К теще на блины, – крайне остроумно заметил мой Рабинович. – Стыдно, батенька, так хохмить. Навыки теряем?..

– Хорошие ты вопросы, Ванюша, задаешь, – не обращая

внимания ни на Сенин ответ, ни на мои комментарии, связ-вил Попов. — Чтобы знать, куда комар полетел, нужно хотя бы приблизительное представление иметь о том, где мы сей-час сами находимся.

— А правда, Сеня, где мы? — повернулся к моему хозяину Жомов. — Куда нас сейчас-то занесло?

Что мне в Ване нравится, так это его детская непосред-ственность. Решил для себя Жомов однажды, что мой хозя-ин должен все на свете знать, так теперь из него эту уверен-ность и дубинкой милицейской не вышибешь. Каждый раз, когда мы оказывались в трудной ситуации, бравый омоновец тут же требовал, чтобы Рабинович решение проблемы ему на блюдечке выложил. Сеня с ним по этому поводу уже и спо-рить устал, и все приколы, которые только мог придумать, давно использовал. Я думал, что сейчас мой хозяин на Ва-нечку за дурацкий вопрос рявкнет, как я на соседского кота, когда тот через форточку на кухне к моей миске пробраться пытается, — но нет, Рабинович посмотрел на омоновца наив-ными глазками и пожал плечами.

— У Попова спроси, — проговорил он. — Раз Андрюша к нам всяких уродов вызывает, значит, знает, где мы находимся.

— Поп, чего молчишь? — тут же сменил ориентацию Жо-мов. — Далеко до ближайшей пивнушки? А то у меня после этих эльфийских фокусов сушняк жуткий.

Андрюша оторопел, не зная, что сказать. Орать на этих двоих лоботрясов, из которых один издевается, а до другого

просто тяжело доходит, было бесполезно. Вот и оставалось Попову только развести руками. Я, кстати, тоже ничего определенного сказать не мог. Даже после того, как старательно принялся. Мы находились на лесной поляне. С этим вопросов возникнуть не могло. Во-первых, потому, что мы стояли на травянистом клочке земли, а вокруг возвышались деревья. А во-вторых, за исключением Скандинавии, куда, как вы помните, мы сами забрались, и египетской пустыни, где ветвистой растительности в принципе быть не может, в каждом новом мире в момент нашего там появления рядом непременно оказывался лес. Видимо, без него эльфы жить не могут.

Растительность вокруг нас была самая обычная. То есть такой стерильной чистоты, как в окрестностях Эльфабада, здесь не наблюдалось. Прошлогодние листья, опавшие ветки и сухая трава присутствовали. Значит, Оберон нас с родины эльфов подальше турнул. А вот кострищ и пищевых отходов на поляне не имелось. Следовательно, мы были явно не дома. А вот где именно, сказать я не мог, даже если бы сильно постарался. Кот его знает, куда нас Оберон зашвырнул. Может быть, даже в Сибирь, раз уж тут вертолетоподобные насекомые летают. А может, мы совсем в другом месте, а Гнус этот Сибирский – чистое недоразумение. Вон в Скандинавии Андрюша чертей накликал умудрился. Так я же не стал кричать, что мы в аду!

Пока я вам тут окрестности описывал, трое моих ментов

устроили экстренное совещание с целью составления плана оперативных мероприятий. От участия в нем меня отстранили, поскольку все они дураки и на нормальном языке разговаривать не умеют. А Горынычу и вовсе не до совещаний было. После бегства гигантского деликатеса он до того расстроился, что уменьшился до размеров крупной жабы и теперь упорно пытался сожрать почти равного ему по объему богомола. Тот усиленно сопротивлялся, и если Ахтармерз в следующие пару минут не увеличится, то бороться им друг с другом еще не один день, прежде чем кому-нибудь это надоест. Горыныч тоже это понял и, разозлившись на богомола, принялся расти. Значит, недолго зеленому насекомому жить осталось!

– ...Блин, задолбали вы меня со своей простотой! – Я отвлекся от нашего трехглавого инсектицида и прислушался к разговору ментов. – Раз не знаете, где мы находимся, так и скажите. И нечего голову мне морочить. – Понятно, это Жомов.

– А тебе, друг Ванюшечка, сразу это и сказали, – съязвил в ответ мой хозяин. – Просто до тебя всегда туго доходит. А с этим, извини, не к нам обращаться надо, а к психиатру.

– Да пошел ты к Матрешкину в напарники! – обиделся Иван.

– Твоими бы устами да мед пить, – хмыкнул Сеня и посмотрел по сторонам. – Ладно, не хрена тут стоять и балаболить. Мы можем год обсуждать, куда нас Оберон в этот раз

зашвырнул. Но если не сдвинемся с места, то так этого и не узнаем. – Сеня махнул рукой в южном направлении: – Пойдем туда.

– А почему не в обратную сторону? – ехидно поинтересовался Андрюша. – Или твой длинный еврейский нос чувствует, откуда выгодой пахнет?

– Именно, – огрызнулся Рабинович. – А твой славянский свинский пятак даже не улавливает, где помои раздают.

Все, началось. Когда Попов с Рабиновичем особенности расовой антропологии обсуждать начинают, остальные могут спать ложиться. Потому что раньше, чем к следующему утру, они обмен колкостями точно не закончат. Я уже собрался что-нибудь для успокоения этой парочки предпринять, но не успел – Жомов вмешался. Вклинившись между двумя спорщиками, он с силой хлопнул обоих по плечам. И Сеня, и Попов едва на пятые точки не плюхнулись. А Ваня улыбнулся.

– Слушайте, мужики, а давайте Мурзику позволим направление выбирать, – внес он свое предложение. – Помните, в Англии, когда мы заблудились, его вперед пустили, и он нас к жилью вывел?

Ваня, так то Англия была, а здесь кот знает что! Я тебе не экстрасенс. Ни лечить на расстоянии по фотокарточке не могу, ни жилье за сто верст отыскивать не способен. Вон лучше керосинку крылатую в небо запустите. Может быть, он с высоты что-нибудь и разглядит!..

И чего орал, спрашивается? Никто, как обычно, меня не понял. Менты решили, что я уже пивной ларек для них отыскал, а Горыныч сделал вид, что борьбой с комаром изнурен. Пришлось мне начинать работать экскурсоводом, и на зло всем врагам я уверенно пошел на восток. Почему на восток?.. А вам-то чем это направление не нравится?!

Все-таки интуиция у меня отменная. Выбрал направление наобум, а оказалось, что пошел именно туда, куда нужно было. Кстати, это не в первый раз, так что смело можете меня считать псом выдающихся способностей. Помню, однажды случай был. Я вам уже рассказывал, что на День милиции трое моих друзей постоянно устраивают Чемпионат вымогателей, обирая окрестные торговые точки. Конечно, это единичный случай, поскольку такой праздник только раз в году бывает. На все остальные торжества чемпионат не проводится, и водкой на халяву каждый затаривается, как может. Только, пожалуйста, не думайте, что мы одни такие исключительные сборщики податей. У нас в отделе все так делают. Правда, не у всех получается.

Так вот, нашим следователям надоело, что им постоянно «паленую» водку в качестве подношений приносят, и решили они разобраться в конце концов, какая сволочь на вверенной им территории такую отвратительную выпивку производит. На неделю завязали с пьянками и, напрягши свои могучие умы, отыскиали подпольный разливочный цех. Тут же поставили галочку в плане, передали отчет начальству и

на радостях напились той же паленой водки.

Начальство, естественно, отправило группу захвата на выявленный цех, дабы всех арестовать, кто под руки попадет-ся, и навсегда избавить своих подчиненных от питья некачественной водки. ОМОН почему-то на такую операцию посылать никто не собирался, хотя все до единого бойцы просились добровольцами. Да и нам с Сеней поездка в подпольный цех не светила: кого там с собаками ловить? Однако мой хозяин – человек крайне настырный. Уж не знаю, какой выгоды Рабинович в этой операции пытался добиться – может, хотел водки набрать, чтобы потом со всякими слесарями и сантехниками расплачиваться, – но благодаря его усилиям нас в группу захвата все-таки зачислили.

На операции все проходило, как и положено. С криками вломились в цех, положили на пол туркменов, которые, кстати, без каких-либо документов в нашем государстве пребывали. А затем бросились в разные стороны водку считать и договариваться, кто сколько себе домой брать будет. В общей суматохе о директоре цеха все как-то позабыли, а когда наконец от водки оторвались, ловить подпольное начальство было уже поздно – удрал, гад, через черный ход.

Естественно, ничего умнее, чем нас с Рабиновичем по следу послать, придумать никто не мог. Мы с Сеней, как два дурака, бросили водку и за директором погнались, будто он нам денег должен. Мой хозяин, естественно, всю дорогу матерился, да и меня довольным назвать не решился бы никто.

Все-таки одно дело нормальных преступников ловить, а тут за каким-то хозяином подпольного водочного цеха гоняться приходится. Он же даже сопротивляться не будет, когда в моих клыках окажется. Да еще, не дай бог, обделается с перепугу. Думаю, и вам бы не понравилось сидеть на каком-нибудь человеке и аромат его фекалий вдыхать.

В общем, я был зол, вынюхивал директорский след и на посторонних запахах особо не концентрировался. Поэтому не сразу обратил внимание на то, что хлоркой папахивать начало. А когда сообразил это, было уже поздно. Гад-директор, видимо, меня в цеху увидел и, убегая, посыпал свой след хлоркой. Я ее запах как с разбегу носом втянул, так вообще все ароматы чувствовать перестал. Естественно, тут мне беглеца еще сильнее наказать захотелось. А где его искать, если я след взять не могу? Вот и выбрал направление наугад.

Как позже оказалось, интуиция меня не подвела, и директора мы догнали. Я ему, конечно, всыпал по первое число, да и Рабинович церемониться с беглецом не стал. В общем, оторвались мы на всю катушку, но, когда вернулись назад, оказалось, что вся водка уже описана, и Сене вместо планируемого ящика всего две бутылки перепало. Вот с тех пор мы с Рабиновичем на всякие операции на ликеро-водочных заводах не напрашиваемся. Мой хозяин больше обманываться в ожиданиях не хочет, а Кобелев, начальник нашего отдела, думает, что Сеня пить меньше стал, и всем его в пример ставит.

Но я отвлекся. Заводы заводами, а в диком лесу, куда нас Оберон забросил, никакого производства не наблюдалось. Зато примерно через полчаса движения по пересеченной местности запахло дымом. Конечно, это мог быть и обычный лесной пожар, но я почему-то был уверен, что скоро мы выйдем к какому-нибудь жилью. Я прибавил шаг, подгоняя моих ментов, а минут через пять запах дыма и они учуяли.

– Ну, Сеня, я тебе говорил, что у тебя пес умный? А ты мне не верил, – приняухавшись, заявил Жомов.

Сеня от такого заявления оторопел, но оспаривать утверждение омовца не стал. Пальцем у виска только покрутил и поспешил за мной следом.

Дальше мне ментов поторапливать не пришлось. Томи-мые голодом и жаждой, мои друзья здорово прибавили скорость и почти бегом вылетели на лесную опушку. Впрочем, как вылетели, так и застыли – прямо перед нами шел бой. То есть не мальчишки баловались, а взрослые дяди дрались. Причем всем, что попадалось под руку. А запах дыма доносился не от костра или печки.

Горела деревня. Ничего определенного о том, из какого она времени или пространства, сказать не могу. Просто скопление бревенчатых домов, половина из которых уже догорала. А вот кучка людей на окраине лично мне многое сказала. По крайней мере, примерно определить, к какой эпохе они принадлежат, я мог. Впрочем, не я один.

– О, блин, смотри, Сеня, рыцари! Да еще и общественные

беспорядки устраивают. — Жомов радостно ткнул моего хозяина кулаком в бок. — Сейчас я быстренько эту говядину консервированную в утиль переработаю.

Ваня был прав в одном — часть сражавшихся действительно были рыцарями. Или, скорее, ландскнехтами, поскольку воевали пешими и были одеты не в стальную броню, а в чешуйчатые кольчуги. Но не придирайтесь же из-за такой мелочи к доблестному омовцу?! А вот в том, что именно они «общественные беспорядки» устраивали, я не был уверен.

Десяткам двум одетых в кольчуги солдат противостояло странное воинство, примерно втрое превосходившее их по численности. Третью этого сброда носила широченные штаны, куцые куртки, разноцветные тюрбаны на головах и была вооружена всевозможными сельскохозяйственными орудиями — в основном мотыгами и вилами. У прочих противников пехотинцев прикид был примерно таким же, за исключением дополнений к гардеробу в виде шлемов и кольчуг. Да и вооружены они были кривыми саблями вместо мотыг, к которым прилагались небольшие круглые щиты. К тому же они еще зачем-то дрались с противником, сидя верхом на разномастных лошадях, столь нелюбимых Поповым. И если мне не вралы мои собственные глаза, это были те самые «сранацины», за которых нас упорно в древней Англии принимали во время нашего первого путешествия.

Вы не помните, когда рыцари с сарацинами дрались? А вот я помню — во время крестовых походов. Точные даты я

вам назвать не берусь, но думаю, что средними веками это время назвать уже можно без всякой натяжки. Так что с тем, куда именно нас занесло, можно сказать, разобрались. Осталось выяснить одну мелочь: что именно мы здесь сделать должны? Не возглавлять же эти треклятые походы?!

Ну, с этим, я думаю, мы еще разберемся, а сейчас предстояло разобраться с тем, что происходило метрах в пятистах от лесной опушки, на окраине деревни. Если рассуждать здраво, то, указывая на инициаторов беспорядков, Ваня в некоторой степени был прав. Судя по тому, что примитивными сельхозорудиями были вооружены не ландскнехты (или как их там правильно называть?), а тюрбаноносные аборигены, жили в деревне именно последние. Не думаю, что они сами стали бы жечь свои дома, а значит, инициаторами драки «колхозники» не являлись. Видимо, горстка пехотинцев напала на деревню и занялась экспроприацией имущества, скрещенной с поджогами, но довершить начатое не смогла – на помощь жителям деревни примчалась регулярная сарацинская армия. Предки бен Ладена тут же вышибли вражеские войска из деревни и пытались окружить, не пуская пехотинцев к лесу. Это им почти удалось. И хотя ландскнехты упорно сопротивлялись, вряд ли они смогли бы избежать полного уничтожения, поскольку на подмогу конным сарацинам бежала еще и арабская пехота.

В общем, напавших на деревню солдат утихомирят и без нас. Вопрос не в этом. Меня куда больше волновало другое:

стоит ли нам оставаться в стороне, поскольку ни сарацины, ни пехотинцы к нам отношения не имели, или все же надо вспомнить о своем милицейском долге и вмешаться, прекратить массовую драку? Впрочем, чего тут думать? Не будем же мы стоять и спокойно смотреть, как люди друг друга убивают? Сначала всех разгоним, а потом будем разбираться, кто прав, а кто виноват. Мои менты, похоже, были того же мнения.

– Ваня, подожди на рыцарей кидаться, – урезонил омоновца мой хозяин. – Давай-ка сначала не дадим их перебить. А шлемы дубинками начистить мы им всегда успеем. Если они того заслужили, конечно.

– Да как скажешь, гражданин начальник, – хмыкнул Жомов. – Мне, в натуре, по фигу, кого плющить и колбасить. Давайте быстренько этот бардак прекратим да чего-нибудь выпьем. Говорю же в сотый раз, сушняк у меня!

С Ваниного благословения мы бросились разгонять дерущихся. Сеня, правда, хотел меня этого удовольствия лишить, привязав к дереву, но я ему прицепить поводок к моему ошейнику не дал, и Рабиновичу, дабы не отстать от омоновца, пришлось махнуть на меня рукой и предоставить полную свободу действий. Чем я сполна и воспользовался.

Мои менты, приказав Горынычу срочно набирать объем, быстро пересекли поле и накинулись на всадников, предоставив ландскнехтам рабироваться с колхозанами. Прямо с марша мы ударили в правый фланг сарацинской конницы.

То есть ударили, конечно, только менты. Мне для такого дела бог соответствующих конечностей не дал, поэтому пришлось просто кусаться. Что я и сделал, отхватив у первой попавшейся на дороге лошади солидный кусок мяса из бедра. Я хоть и хищник, но сырую пищу не люблю, поэтому изъятую филейную часть выплюнул, проверил, хорошо ли оглушен всадник, которого укушенная мной лошадь выбросила из седла, а затем бросился к следующей кобыле.

Мои менты тоже даром времени не теряли. Ваня Жомов с разбегу так звезданул дубинкой по кольчуге развернувшегося к нему сарацина, что тот, благополучно стартовав из седла, приземлился метрах в двадцати от места взлета, сбив по дороге еще трех своих соплеменников. Сеня сцепился сразу с двоими. Сначала он вышиб у обоих сарацин сабли, а затем, от души приложившись к окованным железными полосками щитам, выбил противников из седел. Андрюша поступил еще проще. Увидев приближающихся к нему врагов, Попов, вместо того чтобы броситься в драку, остановился.

– Куда прете, уроды? А ну-ка назад, или стрелять буду! – истошно заорал он.

Вот уж не знаю, чем именно криминалист стрелять собирался, поскольку единственное наше огнестрельное оружие покоилось у Жомова в кобуре, но Андрюшина угроза, оснащенная соответствующим количеством децибелов, подействовала. Перепуганный и оглушенный сарацин вместе со своим конем свалился на землю, а звуковая волна, исторг-

нутая из могучих легких Попова, снесла на своем пути еще с десяток человек. Среди них, правда, было и несколько пехотинцев, спасти которых мы собирались, но на такую мелочь никто не обратил внимания. По крайней мере, Попов.

– Учитесь, дети! – гордо заявил он Жомову и Рабиновичу, трудившимся в поте лица. – Хрен вы одним махом столько людей повалить сможете.

– Конечно, куда нам до тебя. Так орать, как ты, даже свинья недорезанная не сможет, – буркнул в ответ Сеня, не отвлекаясь от работы. В этот момент он как раз через голову пехотинца пытался по сарадину попасть и при этом своего запакованного в железо подопечного не покалечить.

– Сеня, блин, кончай с этим крикуном болтать и делом займись! Нам нужно этих лошадишек разогнать, пока пехота не подошла, – рывкнул на моего хозяина Жомов. – Да брось ты скакать, как бабуин на сковородке. Тресни этого чудака по башке. Он, когда в себя придет, тебе еще спасибо скажет!

Сеня пару секунд подумал над предложением омовца, а затем, заранее извинившись, треснул мешавшего ему пехотинца дубинкой по шлему. Тот молча завалился в траву, уступая Рабиновичу дорогу, и Сеня наконец смог добраться до всадника. Удостоверившись, что с хозяином все в порядке, я перестал глазеть по сторонам и вновь принялся кусать лошадей.

Совместными усилиями мы минут через семь после вме-

шательства в драку обратили конных сарацин и пеших «колхозников» в бегство. Ландскнехты с ликующими воплями попытались было их догнать, но, хоть и не сразу, все же сообразили, что за верховыми пешком не угнаться, и вернулись назад, приготовившись отразить атаку пехоты. А та, к всеобщему разочарованию, наплевав на наши мечты о славной драке, обратилась в бегство. Спасенный нами отряд сначала раздосадованно вздохнул, потом на всякий случай тоекратно прокричал «гип-гип-ура!» и только после этого наконец обратил на нас внимание.

– Спасибо за помощь, благородные господа, – проговорил один из пехотинцев, удивленно рассматривая ментов. – Не считите мой вопрос оскорблением, но кто вы такие и из какой земли родом, ибо впервые я вижу столь странный наряд и такое диковинное оружие в руках у могучих бойцов?..

Сеня мой в нашей команде самый языкастый, поэтому обычно никто его права вести переговоры с местным населением не оспаривает. Хотя это правило не касается тех случаев, когда Жомова кто-нибудь обидит раньше, чем поздоровается. Тогда если омовца Рабинович с Поповым вовремя не поймают или оскорбивший Жомова наглец не успеет убежать, то устраивать переговоры и устанавливать отношения бывает просто не с кем и услуг болтуна Рабиновича нам в таком случае не требуется. Сейчас, правда, дикарь в железной чешуе разговаривал крайне вежливо, поэтому за дело взялся мой хозяин.

– С севера мы путешествуем, – проговорил он, стараясь подражать манере речи незнакомца. – Издалека к вам прибыли, долго по лесам блуждали. Не подскажете, в какое именно место мы выбрались?

– Да я и сам названия этого местечка не знаю, – пояснил разговорчивый ландскнехт, пока его товарищи с удивлением нас рассматривали. – Просто деревенька какая-то сарацинская, поблизости от Византии расположенная...

Вот, значит, куда нас занесло! Получается, что мы уже в Азии, на другом берегу Босфора. Теперь на сердце легче, поскольку, чтобы до родины добраться, нужно всего-то Черное море переплыть. Правда, потом еще и подождать с тыщонку лет придется, но кто из нас на такие мелочи внимание обращать будет? Осталось только выяснить, в своем мы мире или опять в какой-нибудь параллельной вселенной, и с нашим местоположением все станет окончательно ясно. Впрочем, одна неясность, и причем главная, все же останется: а какого хрена мы тут вообще делаем?

– ...Мы сюда заглянули за провиантом, а нас дрекольем встретили. Вот и пришлось подраться, – продолжил тем временем воин. – Еще раз благодарю за то, что вы вовремя подошли. Иначе трудно нам пришлось бы в битве против язычников. А вы сами во Христа веруете?

– А тебе какое дело? – вмешался Жомов, совершенно не переносящий, когда к сотрудникам милиции какой-нибудь урод лезет с расспросами.

– А дело мне такое, что по велению папы римского, наместника Бога на земле, мы находимся в крестовом походе и обязаны искоренять язычников, неся в окрестные земли слово Божье огнем и мечом, – с пафосом проговорил ландскнехт, и я невольно удивился, как он до сих пор не лопнул от переполнявшей его гордости. – Если вы язычники, то мы хотя и признательны вам за оказанную помощь, но вынуждены будем с вами сразиться. Так ответьте же мне, странники, верите ли вы в Господа Иисуса и почитаете ли наместника его, папу римского?

– Угу. Сейчас все дела брошу и начну вашего папу почитать, – буркнул омовец, прежде чем Рабинович успел пустить в ход свои дипломатические способности. – Ищи себе язычников в другом месте. А будешь наезжать, мигом по своему медному котелку получишь и целый день будешь мультики смотреть!..

– Ваня, дурная твоя башка, помолчать пять минут можешь? – сердито одернул его мой хозяин. Жомов хотел и на него обидеться, но не успел.

– Уважаемый сэр, – проговорил ландскнехт, обращаясь к Рабиновичу. – Объясните мне, что именно ваш друг, сэр Дурная Башка, сказал. Я не понял с его слов, христиане вы или нет...

Больше он сказать ничего не успел, да и понимать что-либо был не в состоянии. Кличку он, конечно, подходящую нашему бравому омовцу придумал, но вслух ее в Вани-

ном присутствии говорить все-таки не стоило. Так поступить мог только последний идиот. И не надо Жомова винить в том, что после его подзатыльника – надо сказать, совершенно справедливого! – неразумный болтун ткнулся носом в траву, пару секунд полежал, а затем вскочил на ноги и, напевая «трям, ромашка...», бросился собирать цветы под удивленными взорами своих соратников. Ваня не сделал участника крестовых походов дураком. Он только слегка помог раскрыться его талантам!

– Блин, Жомов, тебя на люди можно только в наручниках выпускать, – сердито рявкнул на омовца мой хозяин. – Какого хрена ты по делу и без дела кулаки в ход пускаешь?..

– Ни фиги себе без дела, – оторопел Ваня. – Ладно еще, ты меня костеришь по-всякому, но чтобы я какому-то там лоху себя дурной башкой позволял называть?..

– Мог бы, Ванечка, разок и стерпеть, – отрезал Рабинович. – Хотя бы до тех пор, пока мы во всем разобрались бы и придумали, как отсюда сваливать!

Едва Сеня закончил фразу, как кучка кольчужных мужичков пришла в движение. До этого момента они стояли себе, никому не мешали и в немом оцепенении смотрели на чудачества своего командира. Не знаю, что за переключатель повернул в их головах голос Рабиновича, но все они как один повернулись в нашу сторону и выглядели совсем не как малолетние фанатки на концерте Филиппа Киркорова. Я, как и Сеня, не думал, что для нас было бы разумно передрались и

с той (то бишь сарацинами), и с другой (соответственно крестоносцами) стороной. Однако, судя по оскаленным мордам этих вояк, расстроившихся из-за того, что их командир временно стал небоеспособным, новой стычки нам не избежать!

– Задолбали, блин, все со своей простотой, – глядя на ландскнехтов, заявил Жомов и снова отцепил от пояса дубинку. – Подходите оптом, блин. Не томите!..

Как вы думаете, кто новую схватку предотвратил?.. Правильно, Горыныч, появившийся, как всегда, очень вовремя. Честно говоря, в пылу битвы и горячке последующих событий мы совсем забыли о его существовании. Но это был бы не Ахтармерз, если бы он о себе не напомнил. Ломая подлесок, наша надувная огнеметная установка, разросшаяся до размеров бэтэра, вывалилась из леса на вспаханное поле, почему-то метрах в двухстах левее того места, где мы Горыныча оставляли. Ахтармерз выпустил из пасти три мощнейших струи пламени, проверяя функциональность своих горелок, а затем заковылял к нам.

– Извините меня, пожалуйста, за задержку. Пришлось поесть немного, а то запасы сероводорода истощились, – оправдываясь, проговорил он на бегу. – Сам взлететь тоже не могу. Ветер слабенький очень. Но ничего. Продержитесь чуть-чуть. Сейчас я вам помогу.

– Не было печали – Горыныча достали, – обреченно вздохнул Рабинович и махнул рукой. – Все, прощай дипломатия! Он был абсолютно прав. Даже слюнявому щенку было из-

вестно, что крестоносцы с драконами не дружили. Антагонизм у них, как у меня с соседским котом. Может быть, будь здесь не просто ландскнехты, а самые настоящие рыцари, пришлось бы Горынычу нас, а нам его спасать. Но поскольку против нас стояли пехотинцы, скорее всего, представлявшие собой ополчение, а не регулярные войска, желавших добыть себе славу, сразившись с огнедышащим чудищем, среди них не оказалось.

– Говорящий дракон! – в один голос констатировали ландскнехты, посмотрев на ковылявшего по полю Ахтармерза, а затем дружно повернулись в нашу сторону.

– Колдуны! – поведали они нам о своих умозаключениях, после чего четким строем и с бравой песней помчались куда-то на восток... Финита ля комедия, как по любому поводу любила говорить одна моя знакомая болонка, работавшая в театре вахтершей. Что в переводе на нормальный язык означает: «Ни хрена вы шуток не понимаете!»

Несколько секунд Сеня горестно смотрел им вслед, а затем повернулся к Горынычу с явным намерением уменьшить у одного общее число голов. Зная вспыльчивый нрав своего хозяина, я даже немного поволновался за неуклюжего второгогодника. А тот, не ведая о грозившей ему опасности, приблизился к ментам с блаженно-довольным видом.

– Ура! Мы победили, – радостно оповестил нас Ахтармерз. – Хорошо, что я успел вовремя.

– Успел вовремя?! – истошно завопил Сеня, вгоняя на-

шего трехглавого помощника в ступор. – Знаешь, куда ты успел? Как раз к началу раздачи пиз...

ХЛО-ОП!!!

Сеня не успел закончить фразу, пощадив психику малолетнего посланца иных миров и избавив его от необходимости прослушивания матерного соло для мента с оркестром. Прямо над нашими головами появился верный ангел-вредитель всех путешественников по параллельным мирам эльф Лориэль. К нашему удивлению, в этот раз он явился не с пустыми руками. Бешено размахивая крыльями и покраснев от натуги, Лориэль держал в руках золотой сосуд, украшенный драгоценными камнями, который к тому же был едва ли не больше его по размерам. Вот уж не думал, что наш эльф бодибилдингом занимается!..

– Вы охренели, козлы, мать вашу?! – прохрипел Лориэль. – Я вам что, уроды, носильщиком нанимался?

Не медля больше ни секунды, Лориэль сбросил чашу вниз, совершенно не думая о том, куда именно она упадет. Не знаю, наверное, я все-таки успел бы увернуться от падающего на голову драгоценного сосуда, но Жомов избавил меня от этой необходимости, в броске поймав сокровище на лету.

Если мне не изменяли глаза – а такое редко бывает, – Лориэль припер к нам не что иное, как Святой Грааль. Еще путешествуя по древней Англии, мы с боем, вместе с прочими трофеями, отбили эту реликвию у вестминстерского аббата. Вся прочая добыча пошла на слом и выковыривание драго-

ценных камней, а Святой Грааль запал Жомову в душу. Ваня приватизировал его и, обозвав Своей Питейной Емкостью, поставил на вечное хранение в личный шкаф со спортивными призами. Впрочем, как оказалось, не на вечное! Наглый Лориэль каким-то неведомым образом спер реликвию и притащил к нам... Похоже, ситуация начинает проясняться! Хотя Ваня так не считал.

– Не понял, – оторопело спросил омовец. – Это что еще за хреновина? Кто тебе, урод, позволял Мою Питейную Емкость руками трогать?

– Ах, это Твоя Питейная Емкость? – ехидно поинтересовался наглый эльф. – А я-то, дурак, думал, что это Святой Грааль, и, чтобы его взять, мне разрешения ни у кого спрашивать не нужно.

– А Ленка моя как? Что, вот так вот просто взяла и тебе Мою Питейную Емкость отдала? – еще больше изумился Ваня после того, как у него прошла оторопь. – Я же, блин, ей говорил, что это кубок за первое место по стендовой стрельбе и чтобы она его берегла, как теща сведения о своем возрасте!

– Дура бешеная твоя Ленка. А теща твоя еще хуже! – рявкнул на него Лориэль и на всякий случай отлетел подальше от Жомова. Впрочем, мог бы и не волноваться. Если бы меня спросил, то знал бы, что первая фраза быстро омовцами забывается, а со второй Ваня был абсолютно согласен.

– Ну и семейка подобралась. Психопат на психопате, мать

их троллям на шашлык! – продолжал вопить маленький наглец. – Это же надо – всем на свете так не доверять, чтобы по ночам от каждого шороха просыпаться и тапками в честных эльфов швырять. Я ведь, мать вашу, просто Грааль этот дурацкий на элегантную подделку заменить хотел. Ну, задел им за полку слегка, ну, пару чашек разбил. Но нормальные люди от таких мелочей по ночам с кровати не вскакивают. Пришлось, блин, быстро маскировочный плащ натягивать и мышью прикидываться...

Услышав такое заявление, Сеня мой вдвое от хохота согнулся. Следом заржал и Попов, да и мне стало весело, едва я представил, как наш маленький дебошир смиренно встает на карачки и начинает тоненько пищать, торопясь утащить совсем не маленький Грааль в норку. В общем, смешно. Вот только до Жомова это пока не дошло, а Лориэлю было не до смеха.

– Чего ржете, как орки в кунсткамере? – истошно завопил он. – Вам смешно, а мне пришлось оригинал под шкаф быстренько прятать и под ванну бежать. Хорошо, что теща этого быка безмозглого мышей боится. А то еще неизвестно, ушел бы я оттуда живым или нет!

– Вот, блин, офигеть! А я и не знал, что у меня теща хоть чего-нибудь боится, – ошарашенный таким открытием, Ваня даже не обратил внимания на то, что эльф его «быком безмозглым» обозвал. – Теперь, как только она меня пилить начнет, я ей буду мышь показывать.

– В смысле, на коврик упадешь и пищать станешь? – наивно поинтересовался мой Сеня, чем вызвал у Попова уже не просто приступ смеха, а настоящую истерику. Впрочем, продолжалась она недолго.

– Заткнись, свинья недорезанная! – взвизгнул Лориэль.

Андрюша обиделся и собрался врезать наглому эльфу, но этот гад, как всегда, успел отскочить подальше.

– Делами тут кто-нибудь собирается заниматься или нет? А, козлы, мать вашу?

– Так как же тебе все-таки Грааль стащить удалось? – не обращая внимания на очередной приступ бешенства у эльфа, спокойно поинтересовался Рабинович.

– Как-как... А вот так! – Лориэль слегка остыл. – Под ванной отсиделся, а когда жомовская бешеная жена шваброй у меня перед носом намахалась и спать пошла, вышел да и забрал эту гнусность из-под шкафа. И вообще, хватит об этом! Слушайте все сюда...

Эльф, естественно, в своей хамской манере тут же поведал нам о цели нашего появления на этой грешной земле, ближайших перспективах духовного развития человечества и общем смысле бытия. Выражений он, как обычно, не выбирал, отчего Жомов трижды, Попов дважды и Горыныч один раз собирались утилизировать наглеца, причем каждый – своим собственным способом. Описывать их не буду. Вдруг вы эту книжку на ночь читаете, да еще и детям, упаси бог –

кошмары замучают! Но, на счастье Лориэля, рядом был Сенья, и он, дабы получить максимум полезной информации, соратникам всячески мешал исполнить задуманное и озвученное. В результате чего нам все-таки удалось узнать, что именно спланировал Оберон.

Как вы знаете, путешествуем мы в иных мирах и временах не по своему желанию или чьей-то прихоти, хотя последнее и не исключается! Просто однажды, случайно оказавшись в древней Англии и ненадолго задержавшись там, мы здорово повлияли на структуру всей вселенной. Подробно рассказывать об этом не буду, поскольку уже когда-то обо всем говорил, а по сорок раз одно и то же повторять, как маразматичный старый пес, я не собираюсь. Жил у нас один такой во дворе. Как начнет о чем-нибудь говорить, так и задолбает, твердя одно и то же, пока на него не гавкнешь как следует. Просто до белого каления доводил... Впрочем, о нем потом расскажу, если вам интересно будет слушать, а пока вернемся к нашим баранам. То бишь к эльфам.

Так вот, эти крылатые мутанты рода нечеловеческого следили за порядком в своей вселенной и множестве параллельных миров. Они наши ошибки вычислили и заставили исправлять. Например, совсем недавно мы евреев из Египта выводить были должны. Но, как рассказал Лориэль, с этим как раз у эльфов накладочка вышла. Не нужно нам было Моисею помогать. Он бы и сам справился. Но для этого мы должны были Святой Грааль на место вернуть... При чем тут

Грааль?.. Да я и сам не понимал, пока Лоризель не объяснил.

Дело в том, что, когда Мерлин задолго до начала крестовых походов нашел Святой Грааль, все главные христианские святыни хранились в одном месте. Забирая реликвию с собой, старый колдун даже не позаботился о том, чтобы хоть как-то замаскировать вход. В результате такой беспечности колдуна все наиболее ценное было разграблено и распродано, а остальное попросту уничтожено. Материальные свидетельства существования Христа попросту исчезли с лица земли, и рыцари, не получив в крестовом походе подтверждения своим религиозным убеждениям, были обращены арабами в свою веру. Вернувшись по домам, европейские феодалы попросту искоренили христианство. Эта религия перестала существовать, Библия была уничтожена, и Палестина перестала быть Святой землей. Ну а когда это произошло, то необходимость в строгой последовательности действий еврейского народа отпала. Высшие силы, покровительствовавшие Моисею, плюнули на него, и евреи из Египта так и не ушли. Следовательно, и Библия не была написана, христианство вообще не появилось и... Короче, получился всеобщий бардак.

После того как Лоризель, перебиваемый Горынычем, непрестанно вставлявшим в его речь выдержки из своих школьных знаний, рассказал нам суть проблемы, он перешел к описанию способов ее разрешения. Причем, видимо, устав болтать, сделал это в самой сжатой форме.

– Короче, так, уроды, – подвел он итог своей речи. – Берете этот дурацкий Грааль и тащите его в Палестину. Там, на месте, я вам помогу сориентироваться и положить его куда следует. Как сделаете это, будете свободны. Да и я наконец от вашей тупости отдохну! Поняли меня, козлы, мать вашу?..

– Сеня, он меня уже достал, – сообщил моему хозяину омовец. – Дай я ему разочек по башке щелкну!

– Подожди, – отмахнулся от него Рабинович и повернулся к эльфу: – А скажи мне, Лориэлюшка, на хрена нас так далеко от места назначения выбрасывать нужно было?

– А это не ваше козлиное дело! – рывкнул в ответ наглый эльф. Покусать его, что ли?

– Как раз самое наше! – отрезал мой Сеня. – Короче, мы и с места не двинемся, пока ты...

– Да пошли вы с орками в преферанс играть! – перебил его Лориэль и, показав омовцу кулак – дескать, мы с тобой еще поговорим, растворился в воздухе с легким хлопком и вспышкой бордового огня. Во-во, всегда так – ничего не объяснит, нахамит и спокойненько сматывается. Ох, попадется Лориэль когда-нибудь в ментовские руки или мне на зуб. Честное слово, мало ему не покажется!..

Глава 4

Трое ментов стояли посреди поля и ошарашенно смотрели друг на друга. Собственно говоря, того, что отчудил эльф, от него и следовало ожидать, и все же друзья надеялись, что тот хоть раз поведет себя не как последний хам, а хотя бы как предпоследний. К несчастью для ментов, возможности перевоспитать наглеца в недрах «обезьянника» в течение хотя бы пяти суток у них не было. Поэтому приходилось с его выходками мириться. Впрочем, до поры до времени.

– Поймаю – убью, – коротко выразил общее мнение лаконичный омоновец. – Причем медленно и печально. Даже то, что он тещу мою напугал, в расчет принимать не буду.

– И это правильно, – подражая первому и единственному президенту СССР, согласился с ним Рабинович. – Только не сразу. Ты его, Ванюша, поймай, затем я гада поспрашиваю, отчего мы в Византии, а не у иерусалимских ворот, а потом делай с ним что хочешь.

– Договорились, – деловито согласился с ним Жомов. Ой, мечты, мечты!..

А между тем сраженные ментами в битве местные жители и защищавшие их сарацины потихонечку стали приходить в себя. К удивлению друзей, ни один из них не испугался Горыныча. Ахтармерз, конечно, за то время, что прошло с начала полевого побоища, здорово уменьшился в размерах,

но как был, так и оставался трехглавым извергателем огня, подобные которому вряд ли водились в окрестностях сарацинской деревеньки. Однако аборигены на Ахтармерза хоть и косились, но ни испуга, ни возмущения его присутствием не выказывали, чем немало удивили Рабиновича.

– Странно, – буркнул он себе под нос. – Те убежали как ошпаренные, а этих наш трехструйный автоген ничуть не пугает.

– Сам ты автоген, – обиделся на него Горыныч. – А не бояться меня туземцы потому, что у них такие существа даже в мифах не описаны. К тому же я сейчас маленький, да еще и рядом с вами стою. Чего же им меня бояться?..

– Изините, почтенные, что вмешиваюсь в вашу высоко-мудрую беседу, но позвольте мне, ничтожнейшему, недостойному целовать пыль у ваших ног, спросить вас, на нашей ли стороне вы сражались с неверными? – поинтересовался один из сарацин, у которого, видимо, память после боя отшибло. – Если да, то будь благословенна та земля, что родила таких великих воинов, но куда подевались наши соперники и враги? А если нет, то отчего, иблис меня задери, деревня не разграблена, куда подевались неверные и почему вы все еще здесь?

– Чего он такое сказал? – Жомов толкнул кинолога кулаком в бок. – Он нормальным русским языком объясняться может?

– Ваня, ты хоть сейчас в разговор не лезь, – недовольно

отмахнулся от него Сеня и повернулся к сарацину: – Видите ли, уважаемый, собственно говоря, однозначного ответа на ваши вопросы у меня нет. – А затем сменил тон: – В общем, ты жив, вот и радуйся. А нас не хрена тормозить. У нас своих забот хватает. Чем дурацкие вопросы задавать, лучше покажи, где тут поесть можно!

Сарацин удивленно посмотрел на Рабиновича, но больше ничего не спрашивал. Неизвестно, то ли его уже крестonosцы зашугали, то ли он родился таким, или просто знал, что с ментами спорить опасно, но в один миг сделался тише воды ниже травы, хотя и до этого не особенно буянил. Несколько секунд он удивленно чесал чалму под пристальными взорами ментов, а потом пожал плечами.

– Боюсь, уважаемые, в этом убогом ауле нет ни корчмы, ни дастархана, ни прочих прелестей Востока, – наконец проговорил сарацин. – Здесь покормиться можете только в домах, и то я пока не знаю, успели неверные добычу утащить, когда убегали, или где-то здесь побросали...

– Ты нам давай отмазки не лепи! – к удивлению друзей, вместо Жомова заорал на аборигена Попов. Видимо, это просто с голоду, но Ваня все равно обиделся на то, что криминалист его прямые обязанности выполнять пытается. А Андрюша орал, не обращая внимания ни на друзей, ни на то, что ему сарацин уже свой собственный сухой паек подсовывает: – Что за свинство, блин, вокруг творится? Оборзели все напрочь! С голоду человек подыхать будет, а

его в это время за три Караганды зашлют! Ладно, я бы еще понимал, если бы одни евреи вокруг были. Так нет, и эльфы все сволочи, и эти урюки первобытные туда же. Где жратва, я спрашиваю? – И заткнулся, увидев наконец перед своим носом кусок вяленого мяса и черствую лепешку.

Хрен бы Попов дома хлеб такого качества жрать стал! Ему мама больше сдобу пекла да пироги с ливером. А здесь мамы нет, продовольствия после отлета из Эльфабада не подвозят, и вообще жизнь такая мерзкая, что хоть на подножный корм переходи, хоть себя самого есть начинай. Вот Андрюша и проглотил черствую лепешку, даже не поморщившись. А сарацин не сводил с него удивленных глаз.

– Чего ты пялишься, морда протокольная?! – завопил Попов, проглотив первый кусок. – Что, хочешь сказать, у вас так не жрут?.. Посмотрел бы я, что бы ты есть начал, если бы тебя столько времени голодом морили...

– Нижайше прошу прощения, если вас обидел. Видит Аллах, я этого не хотел. – Сарацин смиренно склонил голову. – Просто я спросить хотел об эльфах. Часто доводилось от рыцарей слышать об этих чудесных существах. Говорят, что эльфов только святые видят. Скажите, о мудрейший, они правда большие и красивые, как говорят одни, или очень маленькие и светящиеся, по словам иных рассказчиков?

– И такие, и эдакие есть, – буркнул Андрюша себе под нос. – А в основном все больше уроды и сволочи попадают. Насмотрелся я на этих гадов, теперь больше скотов парно-

копытных ненавижу. Те хоть голодом меня уморить ни разу не пытались.

Неожиданно для всех сарацин вдруг бухнулся на колени, как подкошенный. Он сложился почти вчетверо и, отбросив с шеи свободно болтающийся конец чалмы, выхватил из ножен кривую саблю. Попов, не ожидавший такой прыти от собеседника и потому испугавшийся, отскочил в сторону, а удивленный омоновец повернулся к Рабиновичу.

– Сенья, я, в натуре, не понял, что этому уроду надо? – сердито заявил он. – Сначала вопросы хамские задает, а теперь вот, как гейша французская, вниз свалился...

– Гейши не французские, а японские, – меланхолично поправил его Рабинович, не сводя с сарацина удивленного взгляда.

– Да какая мне разница, на хрен, – отмахнулся от него сердитый Ваня. – Ты видишь, что он делает? Полбашки заголил и саблю нам под нос тычет, чтобы мы ему кантик на затылке подровняли. Что мы, блин, на педикюров похожи?

– На кого? – оторопел кинолог.

– Ну, на педикюров. – Увидев его рожу, Жомов растерял весь пыл. – Это те, кто педикам красоту наводит...

Закончить фразу Ваня не успел, потому что Попов с Рабиновичем заглушили ее диким хохотом. Сенью просто скрючило пополам, а эксперт-криминалист и вовсе на травку свалился и недоеденный кусок мяса потерял. И то хорошо, что не поперхнулся им и не умер! А бравый омоновец сначала

удивленно вытаращился на друзей, а потом, совершенно не понимая причины их смеха, начал потихоньку багроветь от злости. Может быть, так бы навсегда и остался с пунцовой харей, цвета генеральских лампас, да Рабинович вовремя в себя приходиться начал.

– Ну, ты, блин, ля-апнул! Как в микрофон рыгнул, – едва отдышавшись от смеха, заявил он Жомову. – Педикюр, чтоб ты знал, Ванечка, лингвист ты наш доморощенный, это художественно-гигиеническая обработка ногтей на пальцах ног, а не то, что ты думал.

– А как же то называется? – недоверчиво поинтересовался омоновец.

– А хрен ее, мой милый, знает, – отмахнулся от него Сеня и слегка пнул носком берца все еще лежавшего в прежней позе сарацина. – Вставай, блин, чучело. Чего ты еще тут придумал такое?

– Не встану! – отрезал тот. – Пусть я вечно буду прахом у ваших ног, только не гоните и не отвергайте моей клятвы верности. Рубите голову, и дело с концом, но я либо святому тучному господину, да благословит Аллах его подкожный жир, служить буду, либо от его руки и умру.

– Не понял, блин, это кто тучный святой? – оторопел от такой наглости Попов. – Ты, кизяк размоченный, базары фильтруй...

– Да заткнись ты, Андрюша! – оборвал его кинолог и повернулся к сарацину: – А с чего это ты ему служить решил?

Вдруг он и есть наипервейший враг твоей веры, народа и вообще сатана в свинячьей шкуре?

– Нет, он святой, раз видел эльфов, – заявил абориген, чуть поднимая голову. – И потом, если вы с рыцарями вместе за крестом идете, то лучше быть с вами, чем против вас в открытом бою. Да и надоело мне уже, что наши все время проигрывают. – Сарацин поднял голову еще чуть выше. – Это, конечно, хорошо, что наша сборная на чемпионате мира третье место заняла, но теперь иблис знает что творится! Вон, «Галатасарай» «Локомотиву» на своем поле умудрился проиграть... – парень поперхнулся и оборвал себя: – Что это такое я сказал?

– Да ты не расстраивайся. Это спираль времени чудит, – похлопал его по плечу Рабинович. – Вот вернемся мы назад, и ты о нас даже не вспомнишь.

Но аборигена такое объяснение не удовлетворило. Пришлось кинологу в меру своих нахватанных у эльфов и Горыныча знаний объяснять, что структура времени представляет собой спираль, которая страшно сжимается, если кто-то из будущего попадает в прошлое. До таких катаклизмов дело дойти может, которые даже режиссеру и сценаристу Страшного суда в голову не взбредут. И Сеня тут же без зазрения совести заявил, что трое ментов и посланы в эту страну, чтобы спасти весь мир от катастрофы.

– Вот такая у нас работенка, – при общем попустительстве друзей скромно закончил он свою речь. – В общем, считай

нас отрядом службы спасения и вставай с колен. Ты принят к этому толстяку оруженосцем. Кстати, как тебя зовут?

– Абдулла ибн Сибгатулла аль Иддих бен Салибан Расим-булды, – мгновенно встав по стойке «смирно», доложил тот. – Можно и по прозвищу меня называть.

– Так мы и сделаем, – заявил Сеня, с трудом проглотив названное имя. – Кстати, как тебя прозвали в войсках?

– Маленький черный тигренок, поджегший усы старому льву и сумевший уйти невредимым, – довольно улыбнулся Абдулла. Рабинович снова поперхнулся.

– Интересно, ему для того, чтобы подпись поставить, транспаранта хватает? – ехидно поинтересовался Попов. – Сеня, на хрен нам этот чудака на букву «с», «м» и все остальные прочие нужен?

– Пригодится. Хотя бы до города какого-нибудь поможет быстрее добраться, – отрезал умный Рабинович. – Видишь же, спираль времени уже и тут чувствоваться начала. Некогда нам телиться, а без провожатого можем год кругами ходить. Вон, Жомов нас уже привел из Египта в Палестину. – Любит же Сеня старые промашки вспоминать!

– Так это я, что ли, компас испортил?! – возмутился омоновец.

– Ладно, проехали! – Рабинович махнул рукой и повернулся к новобранцу: – В общем, так... Пока для краткости будешь просто Абдуллой, а потом мы тебе и кличку новую, более подходящую случаю, придумаем. А пока, так сказать,

в качестве первого испытания, организуй нам какой-нибудь еды, пока мы тут на травке от ратных подвигов отдыхаем.

Абдулла покорно кивнул головой, довольный тем, что его и от «святого толстяка» не прогнали, и в оруженосцы взяли, да еще и проводником назначили. А больше всего, наверное, сарацин радовался тому, что головы не лишился. Хотя кто его знает? Может быть, ходить без голов у них тут дело привычное?.. Низко поклонившись ментам, Абдулла резко развернулся и помчался к своим бывшим соратникам пропитание для нового начальства добывать. Попов недовольно посмотрел ему вслед.

– Сеня, если он сейчас какой-нибудь плесневелой соломой вместо еды принесет, я тебя самого ее трескать заставлю, – буркнул вечно голодный криминалист. – Какого хрена этого недоумка за продуктами послали? Сами, что ли, сходить не могли?

– Ты теперь парню до конца жизни не простишь, что он тебя тучным назвал? – усмехнулся Рабинович. – А я где-то слышал, что на Востоке полнота считалась обязательным признаком знатности и богатства.

– Ага. А в Европе евреев и вовсе вешали, – огрызнулся Попов. – Как кому-нибудь надоест с евреем торговаться, так его тут же и вешают.

– При чем тут евреи, ты, свиномяс славянский? – оторопел кинолог.

– Да ни при чем, – ухмыльнувшись, пожал плечами Ан-

дрей. — Просто не мне же одному обиженным ходить.

Рабинович от такого заявления оторопел и не сразу нашелся, что сказать в ответ. Зато Жомова Андриюшина выходка позабавила. Омоновец, уже получивший сегодня солидную порцию насмешек от обоих друзей, тут же вставил парочку ценных комментариев относительно жизни евреев в средневековой Европе в частности и во всем мире — в целом.

Впрочем, продолжалась эта экзекуция Рабиновича крайне недолго. Сеня, насмотревшийся в детстве на одесские рынки и тети Сонины методы торговли на них, на «отлично» вызубрил все тонкости базарных дискуссий и мог бы легко отбрезаться не только от двоих ментов, а и от семи базарных бабок одновременно. Что на окраине сарацинской деревни и случилось. В итоге антисемитские настроения в дружной компании были посрамлены, Попов с Жомовым пристыжены, а довольный Рабинович приступил к обсуждению насущных тем.

Собственно говоря, Сеня и послал сарацина за провиантом только для того, чтобы спокойно обсудить с друзьями план дальнейших действий. Мудрый Рабинович решил, что не следует только что принятому на службу новобранцу знать, что его почти божественное начальство колеблется и само не имеет представления о том, как именно следует этот мир спасти.

Сама по себе задача была предельно ясна: бери Грааль, тащи домой. То бишь в Палестину. Не ясно было только то, как

этот поход осуществить. Именно этот вопрос Сеня и поставил на повестку дня общего собрания. Поначалу вопрос стоять никак не хотел, как Рабинович ни старался. Едва услышав про Грааль и Палестину, все члены миротворческой экспедиции принялись орать. Причем каждый о своем.

Попов костерил эльфов в целом и Лориэля с Обероном в частности за их антигуманные методы обращения с голодными ментами. Жомов просто слал всех в разных, самых труднопроходимых направлениях и заявлял, что «хрен им всем на бублике, а не Мою Питейную Емкость». Малолетний второгодник с тремя слишком умными головами вместо одной, хоть чуть-чуть соображающей, с гневным пафосом в голосе доказывал отсутствующим на совещании эльфам то, что «столь долгосрочные командировки в прошлое своей же вселенной могут коренным образом изменить ее структуру, от чего пострадают и все соседние миры». Даже Мурзик бегал кругами и что-то орал, но его, как всегда, не слушали и не понимали. Ну а Сеня был со всеми абсолютно согласен и, подождав пару минут, словесно выразил свое одобрение.

– Заткнитесь, блин, идиоты! – истошно завопил он, а затем разобрал все претензии по полочкам: – Ты, жирный боров, минуту не пожрал, и уже с голоду помираешь. Тебе надо, вместо того чтобы орать, каждый раз, когда твое брюхо ненасытное подношений требует, вспоминать голодных детей Африки из старых советских фильмов. Вмиг весь аппетит пропадет!

Попов от такого заявления остолбенел, а Сеня перешел к остальным.

– А тебе, вместилище амфетаминов... – это досталось Жомову, – ...вообще молчать нужно. «Моя Питейная Емкость», блин! Никуда она не делась. Стоит точно такая же на твоей дурацкой полке с трофеями, а эту на место положи. Иначе хрен когда больше в тире из «калаша» постреляешь...

Доблестный омовец, собиравшийся в начале Сениной фразы устроить кинологу райскую жизнь на ближайшем кладбище, в конце монолога сник и замолчал, печальным взором глядя на Святой Грааль, который нежно баюкал в своих огромных лапах. Рабинович тут же оставил затихшего омовца без внимания, но сам на этом не успокоился. От щедрой руки кинолога досталось и Горынычу на орехи (нечего умничать было!) и Мурзику на мозговую кость (опять альфа-лидерские замашки). Ну а когда все успокоились, Рабиновичу, наконец-то, удалось вернуться к вопросу об организации нового похода в Палестину и все-таки поставить его ребром, да на повестку дня.

– В общем, так, – проговорил Сеня, когда, наконец прокричавшись, заставил своих соратников, всех до единого, чувствовать себя стяжателями, сластолюбцами, эгоистами и вообще взвалить на свои хрупкие плечи (омовец не в счет) все смертные грехи. – Сейчас топаем в ближайший городишко, оттуда направляемся прямиком в Палестину, находим там этот склад святых вещей, загружаем туда гребаный Гра-

аль и валим домой. По дороге ни в какие стычки без крайней нужды не ввязываться. Хрен с ними, с крестоносцами и сарацинами. Пусть мочат друг друга на чем свет стоит. Нам на это наплевать...

– Почему? – Жомов задал этот вопрос таким удивленно-обиженным тоном, какой бывает у маленького ребенка, безжалостно лишенного родителями возможности при помощи циркулярной пилы посмотреть, что там находится у сестренки внутри.

– По кочану! – рявкнул в ответ Рабинович, и Жомов поежился. – Если мы, блин, начнем за кого-то с кем-то воевать, то хрен до Палестины раньше крестоносцев доберемся. Если доберемся вообще. – А затем секунду подумал и смягчил табу: – И потом, Ваня, я же сказал, что драться не будем без крайней нужды. Ясно?

– А-а-а, теперь, в натуре, ясно! – тут же расцвел оmono-вец. – Ну, нужду-то я, блин, всегда найду.

Сеня безнадежно вздохнул и махнул на Жомова рукой. Дескать, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось. А затем принялся подробно объяснять Попову, что в ближайшем городке они только поедят, а не нажрут, добудут лошадей, а не билет на самолет и поедут дальше сразу, не отдыхая там несколько суток. Андрюша вздохнул не менее горестно, чем Иван до этого, однако Рабинович к нему снисходительности не проявил. Единственное, что Сеня спокойно позволил другу сделать, так это набрать продовольствия

столько, сколько все вместе смогут унести. Ну а Мурзика с Горынычем быстрее отправиться в путь кинологу даже упрасивать не пришлось, потому как первого обычно никто и не спрашивал (дискриминация, мать ее!), а второй и сам был готов без отдыха куда угодно бежать, лишь бы не допустить окончательной деформации временной спирали и, явившись домой, хотя бы исправить двойку по космогностике, чтобы на третий год во втором классе не остаться.

Пока менты под чутким руководством Рабиновича решали, как им организовать путешествие, Абдулла с поставленной задачей справился. Он никому не сказал, о чем именно беседовал с соплеменниками и единоверцами, но те старались держаться от путешественников подальше и отдали все припасы, которые смогли отыскать в своих котомках. Абдулла сгреб их в кучу и, аккуратно выложив перед ментами, бухнулся на колени, спрятав голову в песок и выставив вверх задницу. Страус, блин!..

– Сеня, ну что это за херня такая? – возмутился Попов, так ласково шлепнув сарацина дубинкой по пятой точке, что тот взвыл. – Он каждый раз передо мной так падать будет? Прикажешь мне по пять раз на дню на его сиденье любоваться?

– Ой, да хоть сто раз смотри, про-оказник, – съехидничал Рабинович, а потом, прежде чем Попов успел задохнуться от возмущения, рывком поднял Абдулла с колен. – Короче, или ты свои мусульманские замашки брось, или получи расчет и

отправляйся к Магометовой матери. Пусть она тебе работу дает.

– Ваша мудрость беспредельна, да благословит Аллах ваши извилистые мозги, – почтительно склонил голову сарацин. – Инструкции мне напишите. А то я уже не знаю, что делать. Тапочки, что ли, в зубах вам носить начать?

– Гляди-ка, острит?! – удивился Жомов. – Поп, дай мне его на недельку. Я ему такой курс молодого бойца устрою, что он вообще забудет, что рот открывать хотя бы для приема пищи нужно.

– Найди себе оруженосца и гоняй его, сколько хочешь, – оскорбился от такого посягательства на свою собственность Попов. – Я со своим сам разберусь. – И повернулся к сарацину: – Ты поменьше разговаривай, побольше молчи. Умнее казаться будешь. Понял?

– Слушаюсь и повинуюсь, мой господин, – склонил голову Абдулла и, достав из кармана коврик, плюхнулся на него, поджав по-турецки ноги. – Аллах акбар!

Сарацин так и остался сидеть, как молчаливый истукан с острова Пасхи, до самого окончания трапезы. Надо сказать, что добыл он для ментов по большей части все то же вяленое мясо и пресные лепешки, но теперь по поводу качества пищи никто не возмущался. Оголодали. Лишь Жомов слегка постонал от того, что поданные к столу деликатесы размочить нечем, и с огромным неудовольствием заглушил жажду обычной питьевой водой.

После окончания обеда Сеня спросил у Абдуллы, далеко ли до ближайшего городка, но сарацин, прежде чем ответить, осведомился, стал ли он выглядеть умнее после такого длительного молчания. За что, естественно, получил от Жомова по ушам. От такой нехитрой «лоботомии» мозги у Абдуллы слегка встали на место, и он оказался полностью пригоден к роли проводника.

– Из всех приличных городов ближе всего отсюда расположена Никея, – не задумываясь ответил сарацин. – До нее всего два пеших перехода. Конными мы бы управились за день, если позволил бы Аллах, но у нас и коней нет, и все равно мимо войска не проскочим.

– Какого войска? – тут же встрепенулся Жомов.

– Неверные собаки... – Мурзик рыкнул, Абдулла запнулся. – Вообще-то никакие они не собаки, да и плевать мне теперь, верные они или нет. Какая мне разница, скажите, будут они своему Иисусу молиться или славить Аллаха?

– Стоп! – рывкнул Рабинович, не выдержав невнятного бормотания сарацина. – Засунь себе между ног все философские рассуждения и говори конкретно: чье войско стоит на пути в Никею? Крестоносное?..

– Ну да. А чье еще войско на сельджукской земле стоять будет, да благословит Аллах вашу догадливость? – удивился Абдулла. – Несколько дней назад войско под предводительством какого-то Петра, то ли Степняка, то ли Равнинника, то ли Пустынника, переправилось через Босфор и, пограбив

немного окрестные села, двинулось к Никее. Сейчас они дошли до Цивитота и там мародерствуют. От самого городка уже ничего не осталось, а в Никею мимо них мы не пройдем. Можно, конечно, в Константинополь направиться, но я не знаю, ходит ли сейчас паром через пролив.

– Думаю, нам не стоит рисковать своими жизнями, поскольку вы сейчас находитесь в собственном прошлом и на вас распространяется действие теоремы Издиворта-Тормапувры, – вставил свое слово Горыныч. – То есть если погибнет один из вас, то и остальные...

– Слышали все это уже, – отмахнулся от него Сеня и посмотрел на сарацина: – Раз ближе Никеи ничего нет, веди нас туда. А с крестоносцами мы сами разберемся...

Вопрос о направлении движения был благополучно решен, но никого, и Попова в первую очередь, не устраивал способ передвижения. Два дня пешего хода до Никеи казались тучному и ленивому криминалисту самым извращенным проявлением садизма, который только можно в данных условиях придумать. Сеня извращенцем не был, поэтому Андрюшу решил пощадить, да и свои собственные ноги тоже. В окрестностях деревеньки еще топтались остатки конной группы сарацин, попробовавших вкус «демократизаторов» и теперь, едва отойдя от контузии, пытавшихся поймать разбежавшихся лошадей. Вот эту тягловую-ездовую силу и решил прихватизировать Рабинович.

Сделать это оказалось достаточно трудно. Во-первых, бес-

платно свое имущество почему-то даже сарацины отдавать не хотели, а у ментов после двух скачков между мирами даже мелочи в карманах не оказалось. Конечно, у Сени обычные российские денежные знаки водились, но исключительно бумажные, а такой вид валюты аборигены напрочь отказались бы принимать. Даже если бы Рабинович собрался ими расплачиваться.

Во-вторых, конные сарацины, лишившись своих лошадей, рисковали переместиться вниз по иерархической лестнице. Приобрести же поблизости непарнокопытные средства передвижения, хотя бы хромые и беззубые, из-за боевых действий не представлялось возможным. Поэтому какие бы золотые горы сарацинам предприимчивый Сеня ни сулил, добровольно уступить своих лошадей они наотрез отказывались. Пришлось Рабиновичу разочарованно развести руками – дескать, сами напросились – и предоставить Жомову возможность своими способами раздобыть для экспедиции средства передвижения. Омоновец церемониться не стал и применил для убеждения максимально простое средство – резиновую милицейскую дубинку.

Четверо всадников, с которыми он таким образом поговорил, от Ваниного обаяния лишились сознания и лошадей вместе с ним. Довольный Жомов притащил кляч к новым владельцам, и для начала экспедиции преград больше не было, но тут заартачился Попов, вновь отказавшись ехать на лошади верхом. Ну, не было у него с этими животными вза-

имопонимания, и терпели они друг друга, только находясь на приличном расстоянии. Единственная дистанция, на которой и та и другая сторона соглашались существовать, — это длина оглобли. Более тесное сближение криминалиста с непарнокопытным могло привести к плачевным последствиям. Причем, с вероятностью в девяносто девять процентов, именно для лошади. Пришлось Сене срочно искать для Андрюши подходящую повозку, и, когда с этим было покончено, экспедиция наконец тронулась в путь.

Телега Попову досталась самого жуткого вида. Можно сказать, это был просто дощатый настил на деревянных колесах, огражденный низкими решетчатыми бортами, а не средство передвижения. Естественно, никаких удобств цивилизованного мира в виде водительского кресла, амортизаторов, кондиционера или хотя бы крыши над головой у телеги не было, и Андрюша горестно вздохнул, рассматривая этот сарацинский катафалк. У криминалиста на лице было написано, что, будь его воля, он бы на этот плод трудов криворукого плотника ни за что бы не сел, но вариантов у Попова было не так уж много. Либо верхом на кляче, которая всю дорогу будет пытаться его укусить, сбросить с себя и пнуть копытом, либо на грохочущей и тряской телеге, но в относительной безопасности от непарнокопытных посягательств. Андрюша, как это у него было принято, выбрал второе.

По привычке пометавшись по сторонам, выискивая мешки с припасами, которые следовало бы на повозку грузить, и

не найдя их, Попов расстроился вдвое больше. Он даже попытался постенать слегка по поводу своей тяжелой участи, но Рабинович, раздраженный крахом собственной торгово-закупочной операции с вьючными животными, так рявкнул на несчастного криминалиста, что тот счел за благо молчать в рукавичку и тихо сопеть в две дырочки. При помощи новоявленного оруженосца Андрияша накидал в телегу соломы из ближайшей скирды, посадил на нее тихоходного Горыныча и, забравшись сам, приготовился к поездке.

Каурая кляча – единственное животное из четырех добытых, которое, увидев, кому оно достается, все же согласилось оказаться впряженным в повозку, – горестно вздохнула. Видимо, и прошлый хозяин кобылы отнюдь не был ее любимчиком, и она уже со всем смирилась. Покосившись на криминалиста, кляча принялась бестолково топтаться на месте. Дескать, чего ждем? Поехали, куда собирались, да и разойдемся в разные стороны, как в пустыне караваны.

Однако сразу тронуться в путь не получилось. По каким-то там сарацинским законам Абдулла как оруженосец, лицо подчиненное, должен был ехать позади своего господина и наотрез отказывался занять место в авангарде экспедиции, как и полагалось проводнику. Ни уговоры Рабиновича, ни жомовский кулак под носом не могли заставить сарацина изменить свое мнение. А когда Попов приказным порядком отправил оруженосца вперед, Абдулла посмотрел на него так, словно криминалист его прилюдно выпорол. При-

чем сняв с сарацина штаны. Андрюше от такого взгляда, полного печали, боли и оскорбленного достоинства, стало стыдно. Чтобы как-то подбодрить и успокоить верного рекрута, Попов решил спеть. Причем во весь голос.

Каурая кобыла, впряженная в телегу, в битве сарацин с ландскнехтами участие, естественно, принимала, поэтому уже была удостоена чести слышать поповские децибелы. Однако животное никак не могло предположить, что ее новый хозяин может еще и петь. Поэтому, когда заботливый Андрюша во весь голос затянул любимую песню конных милиционеров: «Мы пьяные кавалеристы, и от нас болельщики футбольные получают в глаз...», – кобыла ошалела. Дико заорав от ужаса, кляча рванула вперед, забыв, что привязана намертво к телеге и от растолстевшего Робертино Лоретти за спиной ей не избавиться.

Андрюша, не ожидавший от смирившегося животного такого коварства, петь перестал, но зато начал орать. При этом команды управления непарнокопытными транспортными средствами Попов забыл напрочь и единственное, что он смог выдать, был удивленный вопрос: «Охренела, тварь? Стой, убью!»

Естественно, даже дурак, если его обещают убить, останавливаться не будет. Лошадь тоже не стала. Она только ускорила бег, закрыв к тому же глаза с перепугу. И надо же такому случиться, что какой-то недоумок прямо на ее пути построил дом! Каурая кляча с аппетитным чмоканьем вле-

пилась с разбегу в стену и, удивленно ойкнув, стекла вниз бесформенной грудой. Попов разделил ее участь, рыбкой перелетев через борт телеги. Стене, выдержавшей стыковку с лошадьё, контакт с Поповым показался явным перебором, и она обрушилась внутрь, придавив собой мышь, нагло воровавшую прямо со стола последнюю корочку сыра в обездоленном грабителями доме...

В кругах радикальных эльфов ходит теория о том, что даже минимальное воздействие на прошлое непременно повлечет за собой целую лавину событий, организовав парадокс времени и безвозвратно изменив будущее. Эти утверждения своим оппонентам они доказывают так: «А откуда вы знаете, что мир не изменился? Может быть, все вокруг другое, но только никто этого не замечает?»

Так вот, эти лжеученые мгновенно бы рассчитали вероятность того, что сделала бы со вселенной боевая песня Попова. И выглядело бы это примерно так. Андрюша свалил стену, от чего хозяин дома остался без крова. Вместо того чтобы заниматься любовью со своей женой, он полгода ремонтировал жилье, и из-за этого прапрапрадедушка нынешнего президента Таджикистана не был зачат. Это, в свою очередь, привело к тому, что на таджикско-афганскую границу российские войска не пустили, и талибы после натовских бомбардировок сбежали все к таджикам. Буш-младший и здесь их нашел и нанес превентивный ракетный удар. Правда, летчики слегка промазали и попали по Москве. Дальше нача-

лась третья мировая...

То же самое они могли бы сказать и про безвременно усопшую мышь. Однако, во-первых, их доводы не более чем теория, не подтвержденная никакими фактами. А во-вторых, стоило только ментам вернуться домой, и все последствия, вызванные их пребыванием в прошлом собственно-го мира, самоликвидировались. Кроме неликвидных, естественно. Те просто списывались с баланса и оставались тихо гнить на задворках истории. Именно поэтому столкновение акробатического дуэта кобыла – Попов со стеной не привело ни к чему, кроме того, что криминалист, придя в себя, смачно выругался, развалив по бревнышку весь дом, а кобыла раз и навсегда усвоила, что лучше делать именно то, что ей Андрюша говорит. Действительно, уж лучше лошади было остановиться и посмотреть, убьет ли ее Попов, чем вот так вот по-глупому поцеловаться со стеной.

– Голос соловьиный, да рыло свиное, – осмотрев повреждения, полученные Андрюшей, прокомментировал Рабинович. – Впрочем, сойдет. Красна изба пирогами, а Попов – кривыми ногами...

– Это у меня ноги кривые? – оторопел криминалист.

Сеня пожал плечами:

– Надо же как-то рифмовать было, – отмазался он и, не обращая внимания на возмущенное шипение Попова, приказал отправляться в путь.

– Господин, да благословит Аллах твою луженую глот-

ку, нижайше прошу тебя, да распухнет мой язык, преподать мне на ближайшем привале первый урок вокального мастерства, – склонился в поклоне Абдулла и, не дожидаясь, пока Андрюша продемонстрирует ему весь арсенал ментовского мата, помчался в авангард процессии.

Дорога в Никею пролегла в основном по засушливой низменности, усеянной растительностью не гуще, чем поповская маковка волосами. Выбравшись из леса, который, как объяснил Абдулла, лежал в пойме реки с труднопроизносимым сельджукским названием, путешественники оказались на необъятных просторах, открытых всем ветрам. Здесь они были как на ладони, видимые на много километров окрест, да и не только они. Через несколько часов после начала пути Абдулла, обладавший отменным зрением, заметил далеко на горизонте дымы костров.

– Не думаю, да простит мне Аллах скудоумие, что это может быть основное воинство крестоносцев. Слишком далеко мы еще от Никеи, – проговорил он. – Скорее всего, это какой-нибудь отряд фуражиров, разыскивающий пропитание по окрестным деревням. Определить численность не берусь, но костров много. Не сочтут ли уважаемые странники мою мысль – обойти их стороной – за умную?

– А на хрена? – удивился Жомов. – Если отряд, значит, выпивка у них есть. Поехали отбирать, а то я уже задолбался воду пить. Тем более, не хлорированную. Как бы понос не прошиб с непривычки.

– И жрать давно пора! – завопил со своей телеги Попов и осекся под тяжелым взглядом Рабиновича. – Я-то помолчу, Сеня, но вот желудок у меня без мозгов и не понимает, как это можно голодным в таком транспорте разъезжать.

– Да нет, Андрияша, у тебя как раз все мозги в желудке. Только им и думаешь, – хмыкнул кинолог, а затем махнул рукой: – Веди нас, Абдулла, пока Сухова не встретил. – И усмехнулся под удивленным взглядом сарацина. – Это я так, о своем, о ментовском. Не обращай внимания...

Отряд пришпорил лошадей каблуками берцов и помчался прямо к дымам. Менты на всякий случай решили приготовиться к бою и заранее отстегнули дубинки, чтобы потом не возиться. Ну а Попов, значительно отстав от остальных, принялся заправлять соломой эскадрилью пикирующих бомбардировщиков в лице всеядного Горыныча. Ахтармерз, обожравшийся насекомых деликатесов, упорно отказывался и крайне раздражался, когда Андрей, зажав одну из голов Горыныча между колен, умудрялся пропихнуть в пасть горсть сухих стеблей. От раздражения трехглавый упрямец увеличивался в размерах, и, чтобы не развалить телегу, криминалисту пришлось прекратить заправку, понадеявшись на то, что затисканного внутри топлива будет достаточно для бесперебойной работы ахтармерзовских огнеметов.

Ночь в этих местах наступала довольно быстро. Когда Абдулла заметил дымы костров, уже начинало смеркаться. А к тому времени, когда отряд преодолел несколько километ-

ров, отделявших их от неопознанного лагеря, над степью почти стемнело. Фигурки у костров были различимы ясно даже издали, а вот приближавшихся ментов дозорные заметили слишком поздно. Единственное, что они успели сделать, это истошно завопить от ужаса. Впрочем, и менты встрече не обрадовались, поскольку те, кто отдыхал у костров, были не отрядом фуражиров, а совместным сарацино-ландскнехтским воинством, составленным из двух отрядов, поочередно разогнанных друзьями у безымянной деревушки. Солдаты, еще недавно сражавшиеся друг с другом, а затем благополучно избежавшие гибели от рук «колдунов», объединенные общей бедой, спокойно сидели у костров, никому не мешали и жаловались одни другим на то, как жестоко обошлись с ними чужестранцы. А тут... Видимо, правду гласит народная мудрость: вспомни мента, тут же наряд завалится! Не к ночи будь сказано...

– Ну и чего вы к нам пристали?! И кто вы после этого? – при виде милицейского отряда истошно завопил тот самый ландскнехт, который разговаривал с друзьями у деревни. – Видите, мы уже не деремся, общественного порядка не нарушаем, спиртных напитков не распиваем, и вообще, тут частное собрание. Предъявите ордер на что-нибудь или идите в другое место. Степь большая...

– Я сейчас тебе предъявлю, – пообещал ему Жомов, раздумывая, слезть ему с лошади или еще посидеть. – Целый год, блин, ничего, кроме ордера, видеть не сможешь.

– Абдулла, стыдись, – встрял в разговор один из сарацин. – Твой отец, да не отвлечет его Аллах от общения с гуриями, был истинным правоверным и стыдился бы того, что его сын связался с неверными...

– На себя посмотри, шакал, – огрызнулся поповский оруженосец, выхватывая кривой меч. – Ты же в джихаде находишься, а вместе с неверными, да пошлет их Аллах в застенки НКВД, один кусок хлеба жрешь.

– Это кто тут в джихаде? – оторопел недогадливый омовец. – Сейчас я, блин, в натуре, покажу и джи, и хад, гадам буду!

Однако показать сарацину Ванечка ничего не успел, поскольку подоспел Попов и все испортил. Только доблестный омовец собрался поучить сарацин уму-разуму, только приготовился всех разогнать к их собственной матери, как с грохотом примчался катафалк с криминалистом, который выпустил в воздух крылатую трехконфорочную плиту. После этого разгонять уже никого не потребовалось.

– Господи боже мой, да что же это за напасть такая? Долго нас эта змеюка перелетная терроризировать будет? – изумились ландскнехты и, бросив имущество, помчались туда, куда глаза глядели. Легковерные сарацины, уже напуганные рассказами неверных о драконах и прочей нечисти, помчались следом, на ходу складывая для потомков мифы о сказочных чудовищах. Птицу Рух, например, в тот вечер и придумали. Вот вам и последствия от вмешательства ментов в

историю и культуру!

Из всех путешественников преследовать убежавших намеревался один только Ваня Жомов, но ему и таким способом развлечься не позволили. Сеня, вместе с лошастью, преградили омовцу путь и категоричным тоном потребовали (требовал, естественно, Рабинович, кобыла лишь согласно кивала головой) послать всех подальше и устроить привал.

– А хрен ли приваливаться, если выпить все равно нечего? – буркнул Жомов, но начинать погоню не стал, спешился и уселся у одного из костров. – Блин, Сеня, честное слово, если ты попробуешь о сухом законе хоть заикнуться, то, когда мы до этой гребаной Nikei доберемся, я с тобой рюмки вместе ни одной не выпью!

Угроза, что и говорить, была страшная, и Сеня испугался. Так испугался, что хотел поиздеваться над Жомовым часа полтора, но затем передумал и решил не расстраивать омовца окончательно. В конце концов, вопрос о сухом законе можно будет решить прямо по прибытии в сарацинский городок. Да и не горел Рабинович большим желанием наложить вето на употребление алкоголя. Все-таки и сам выпить был не дурак, Рабиновичам тоже ведь расслабляться иногда нужно. Кротко кивнув головой в знак согласия с требованиями Жомова, Сеня спешился и направился к костру. Пора было ужинать тем, что разбежавшиеся солдаты оставили, да укладываться спать. Хватит с него приключений на сегодня.

– Сеня, караулы выставлять будем? – деловито поинтере-

совался Иван. – Я этих урюков знаю. Вернутся ночью и всех перережут.

– Не вернутся. Напугали мы их хорошо, – усмехнулся Рабинович. – А потом, у нас же Мурзик есть. Какую тебе еще охрану нужно?..

Глава 5

Ну, вы посмотрите на них! Значит, как аборигенов по углам гонять, так все вместе, а отдыхают у нас только избранные? Его сиятельство Рабинович со товарищи будут себе спать спокойно, а я – на дежурство? И где справедливость, скажите мне, пожалуйста? Между прочим, все трое моих доблестных соратников и коллег, вкупе с сарацинской мордой, в отличие от меня не на своих ногах по степи передвигались. И меня, кстати, на телегу никто не приглашал! Ну и что с того, что я и сам бы туда не полез? Это неважно. Главное, что заботиться они обо мне должны. По крайней мере хозяин. А я ее, заботу то бишь, не чувствую! Беззаботность одна кругом. Расизм и дискриминация...

Что, напугались?.. Ну и ладно. Не больно-то я кого пугать хотел. Да и ворчал я так, для порядка только. Чтобы не подумал никто, что мною помыкать можно. А покарать меня не трудно. У кого псы есть, сами знают, как мы чутко спим. Прочим сообщаю, что для охраны вверенного мне личного состава и персонального имущества от меня особых усилий не требуется. Просто нужно быть хорошим псом, а не старым глухим маразматиком, а остальное приложится. Устроены мы так, что лучше людей опасность чувствую.

Да и не потребовалось мне этой ночью никого охранять, поскольку объединенное турецко-европейское сборище хо-

дяхих суеверий назад возвращаться явно не собиралось, а, кроме них, окрест никого не было. Даже живности никакой не наблюдалось, если не считать, конечно, всяких там землероек, цикад да пьяного филина, который после дня рождения у совы напрочь перепутал лес с полем и всю ночь с гуканьем носился в воздухе, удивляясь, отчего никак не получается отыскать собственное гнездо. Ну а возмущался я тяжелой долей и расписывал вам особенности своей физиологии только для того, чтобы меня похвалили. От Рабиновича поощрения в последнее время не дожدهшься, так что на вас одна надежда осталась. Вот только по чистой шерсти меня гладить не советую. Если у вас, конечно, лишних пальцев нет...

Но я опять отвлекся. Извините. У нас уже, между прочим, утро наступило. Не скажу точно, на какой параллели мы находились, но думаю, что в субтропиках. Видели, наверное, по телевизору, как тут быстро солнце садится и встает. Те, кто думает, что это ускоренная съемка, ошибаются. По сравнению со средней полосой России солнце тут не всходит, а просто выпрыгивает на небо. Я вскочил вместе с ним и огляделся по сторонам, пытаюсь понять, что же меня разбудило?

Спросонья я принял отдаленный непонятный грохот за шум проезжающей мимо электрички и, лишь когда смог продрать глаза и оглядеться по сторонам, понял, что поездам и прочим индустриальным монстрам урбанистической цивилизации тут взяться неоткуда. Не изобрели еще. Но грохот был! И я забрался на Андриюшину телегу посмотреть, что

именно так шумит.

Сами знаете, я малость близорук, поэтому рассмотреть источник грохота так и не смог. Единственным, что мне удалось различить, было облако пыли на горизонте. Раз в тысячу примерно больше, чем поднимают в детской песочнице дерущиеся коты. Честно говоря, водятся ли здесь слоны или какая другая крупнотоннажная живность, я с уверенностью сказать не мог, поэтому предпочел разбудить хозяина. Ну а поскольку Сеня жутко не любил рано просыпаться, я поднял абсолютно всех. Пусть уж лучше друг с другом ругаются, чем на меня ворчат за то, что я на рассвете лай поднял. Мои менты вскочили, как блохой укушенные, и дисциплинированный Абдулла поднялся вместе с ними. Посмотрев из-под ладони в сторону облака пыли на горизонте, сарацин уверенно заявил:

– Это сарацинское войско. Я вижу знамена Илхана и еще нескольких прославленных полководцев, да благословит Аллах их тупые головы! Однако бунчуков Кылыч-Арслана там нет. Значит, основная масса войск по-прежнему стоит у Никеи...

Ну и что, что у него зрение лучше? Зато у меня слух и нюх...

– Мурзик, тихо ты! – рявкнул на меня Сеня. Спасибо, что в этот раз без альфа-лидерских замашек. – Абдулла, ты о чем говоришь?

– Во-во, – поддержал его омоновец. – Пусть по-русски

изъясняется. Если, конечно, зубы у него в жевательно-глотательной дыре не жмут!

Абдулла покосился на доброхота Ваню, но выяснять, что значит любить... то есть говорить по-русски, не стал. Вместо этого он, через слово прося Аллаха что-нибудь у кого-нибудь благословить, поведал нам о сути своего высказывания. Нет, конечно, то, что часть сарацинской армии меняет место дислокации, я и без этих объяснений знал. Однако откуда еще я получил бы информацию о том, что Кылыч-Арслан работает иконийским султаном, а Илхан – его правая рука?

Вам эти имена говорят о чем-нибудь?... Мне тоже. Смею вас заверить, мои менты в истории крестовых походов разбিরались не лучше. Пожалуй, только Попов мог припомнить имена нескольких полководцев, среди которых, кстати, ни одного вышеупомянутого не было. А мой Сеня с омовцем знали по этой теме только то, откуда рыцари вышли и куда в итоге пришли. Стыдно, господин Рабинович. Фильм мы с вами, между прочим, вместе смотрели!..

Впрочем, на эту мою реплику Сеня никак не прореагировал, продолжая расспрашивать Абдуллу. Тот никаких фактов к своей первой фразе добавить не смог. Оставались только предположения. А они сводились к тому, что если Кылыч-Арслан, да благословит Аллах его заворот кишок – гав ты, блин! ну что за заразная манера разговора? – разделил свои войска, то это, вероятно, означало, что войско Петра Пустынника уже разбито.

– Нам-то что это дает? – устав от перечисления ветвей генеалогического древа Кылыч-Арслана и озвучивания Абдуллой послужного списка вышеуказанного султана, поинтересовался проголодавшийся Попов. За сарацина ответил мой хозяин.

– Если Абдулла прав, то дорога на Никею свободна, – хмыкнув, проговорил он. – Хрен его знает, этого султана, куда он свои войска послал, но теперь в город нам войти никто не помешает...

– Ты, Сеня, так спокойно об этом говоришь, что можно подумать, будто тебе по фигу, что какие-то там арабы наших разгромили! – возмутился сердобольный Попов.

– Ну, если всякие там франки, кельты, готы, бритты и саксы для тебя своими считаются, – с ехидной ухмылкой перечислил мой хозяин основной состав футбол... то есть войска Петра Пустынника, – то можешь горько поплакать.

– Я не о том хотел сказать, – смутился Андрюша. – Они же христиане все-таки.

– Так вы христиане? – удивился сарацин.

– Местами, – отмахнулся от него Рабинович.

– А святой Попов, да благословит Аллах его бездонное чрево? – не унимался Абдулла.

Во настырный! Все ему расскажи. Может быть, еще Сенину нательную религиозную атрибутику продемонстрировать?..

– Ну, этот даже в церковь иногда ходит, – осклабился

Иван, вспомнив египетские откровения криминалиста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.